

18+

Михаил Виноградов

Собрание пёстрых глав

Том 1

Михаил Виноградов

Собрание пёстрых глав. Том 1

«Издательские решения»

Виноградов М.

Собрание пёстрых глав. Том 1 / М. Виноградов — «Издательские решения»,

В сборник произведений автора вошли автобиографическая повесть «Учитель истории» (1998—1999), роман-эпопея «По велению сердца» (1998—2000) — продолжение романа «В поисках Золотого Льва» (1993—1997), мистерия «Ужин с неизвестным» (2000), рассказ «Украденная мечта» (2001) и отдельные лирические стихотворения (1995—2004). Большинство сочинений было написано в возрасте 17—23 лет в период проживания в Калининграде и Санкт-Петербурге. Иллюстрации автора и Петрова Григория Александровича.

© Виноградов М.

© Издательские решения

Содержание

Поэзия (избранное)	6
Учитель истории	21
По велению сердца	41
Глава I. Судный день	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Собрание пёстрых глав Том 1

Михаил Виноградов

© Михаил Виноградов, 2026

ISBN 978-5-0070-9652-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-9653-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поэзия (избранное)

А***

Бывают в жизни каждого минуты,
Когда мы забываем обо всем,
Сознание затуманивают путы,
Мы думаем о ней или о нем.

Не знаю я, что может быть дороже,
Ценней, чем близкий сердцу человек,
Того, кто постоянно ум тревожит,
С кем жизнь свою хочу связать навек?

Твои глаза, улыбка и движенья —
Все днем и ночью в памяти со мной.
Желанней счастья нет, чем те мгновенья,
Которые мы провели с тобой.

Пусть говорят: любовь не знает меры,
Она слепа. Я жить хочу любя,
Ведь для меня любовь — есть символ веры.
Нет смысла жизни, если нет тебя.

июль 1995

Вам не понять моей печали,
Моей улыбки хладность льда.
Унынья лунными ночами
Вы не поймете никогда.

Вам не понять моих сомнений,
Что душу мучают давно.
Меня терзающих сомнений
Вы не поймете все равно.

Как и заветной в жизни цели
Достичь не каждому дано,
Так и моей печальной трели
Расслышать вам не суждено.

Никто понять меня не сможет,
Ни друг, ни чуждый человек,
А потому придется, может,
Непонятым прожить свой век.

22 октября 1995

Россия

Твоих берез красу немую
И серебро могучих рек
Люблю всем сердцем, как могу я,
Как всякий русский человек.

Твоей истории страницы,
От древности до наших дней,
В моих глазах рождают лица
Прославленных богатырей.

Тебя не кинет твоя слава,
Ты будешь крепнуть и стоять.
Люблю тебя, моя держава,
Но не могу народ понять.

Народ твой, что орел двуглавый,
В две разных стороны глядит:
Одной законов пишет главы,
Другой нарушить их спешит.

2 ноября 1995

Любовь дается в наказание
За неразумные дела.
Она несет с собой страдания
И сыпет в душу пепел зла.

В любви той радости — мгновенья,
Печали горькой — на года.
Дурманит разум сердца пенье,
А отрезвляет лишь беда.

Любовь сжигает людям души,
В костре любви горят умы.
Ее огонь ничто не тушит.
Ее огонь страшной чумы.

За что ж мучения такие,
Когда, вдруг, стынет в жилах кровь?
Пушай, пушай меня покинет
Та безответная любовь!

11 ноября 1995

С тобой мы никогда не будем,
Как ни печально сознавать.
Нас разлучат чужие люди

И будут все за нас решать.

Мы никогда не будем вместе,
Хоть в это верится с трудом.
Как жаль, что сердце не из жести —
Ему б все было нипочем.

Не суждено нам быть с тобою,
Нам не сойтись, не разойтись.
Ты — свет души моей, не скрою,
Какая же без света жизнь?

Прости, что чувств твоих не знаю,
Свои покоя не дают.
Я медленно, но умираю.
Часы мои вот-вот пробьют.

14 декабря 1995

Париж был от снега белым.
У Сены, на мостовой
Лежало немое тело
С простреленной головой.

Снежинки ложились на волос
И красились в алый цвет...
Навеки затих юный голос,
Навеки умолк поэт.

Читая его романы,
Ему смеялись в лицо.
Стихи его все туманны,
И сам он был подлецом.

Ветер то торопился,
То замедлял свой бег.
И на пальто ложился
Белый искристый снег.

Женщины мимо спешили,
Кутаясь в шаль, соболя,
С дрожью сугроб обходили.
Больно скрипела земля.

Остановилась карета,
Вышел маркиз молодой
И, закрываясь от света,
К трупу прильнул головой.

Где-то в соборе пели,
Птицы глядели с крыш,
Только не стал светлее
Белый, как снег, Париж.

3 января 1996

У самого берега моря,
Окутав подножие гор,
С ветрами холодными споря,
Сосновый раскинулся бор.

Деревья, стройны и высоки,
Стояли единой стеной
И пили единые соки
Из гористой почвы сухой.

Отдельно от хвойного леса,
Как будто виденье из сна,
Колючие ветви развесив,
Стояла кривая сосна.

Она, в двух шагах от соседок,
Была далека от них, как
Звезда, что ночами из веток
Мерцает, и думала так:

«Пускай мои милые сосны
Единством своим дорожат,
Рассветы встречают и весны
И видеть меня не спешат.

Ведь я же совсем не такая,
Как сестры в шумящем бору.
Одна я на свете кривая,
Родилась одна и умру».

26 марта 1996

Песнь о страннике

По полю золотистому,
Сухой травой шурша,
Седой и неказистый
Шел старец, не спеша.

Держал рукой корявою
Он ветхую клюку,
Ей по земле карябая,
Нес сумку на боку.

За полем, у ольшаника

Раскинулось село,
Куда седого странника
Тотчас и понесло.

Пройдя строенья новые,
На площадь он пришел,
Где средь села торгового
Свой разговор повел.

«Услышьте, люди честные,
Мой искренний рассказ.
О том, что неизвестно вам,
Поведаю сейчас...»

Народ сбежался тучей
И, накормив отца,
Стопился плотной кучей
У красного крыльца.

«Я знаю, люд торговый, —
Вещал, меж тем, старик, —
Какой в сей час суровый
Вас страшный грех постиг.

Вас ослепил Всевышний.
Не видите вы то,
Что говорит вам ближний,
Ведь он для вас — никто.

Вы просто близоруки,
Ваш мир — не больше «я».
Он не расслышит стуки —
Тверды его края.

И если все вы глухи,
То сбудется беда —
Погибнут, точно мухи,
Деревни, города...»

От сих речей несладких
Народ негодовал
И старикашку гадкого
Он чуть не разорвал.

«Ах, ты, неблагодарный! —
Ему кричали вслед, —
Кудесник ты бездарный!
Управы на вас нет!»

Гонимый кем попало
Простился дед с селом
И двинулся устало
С недрогнувшим челом...

Прошло уж больше года,
Но то село стоит,
И много в нем народа —
Знать, обманул старик.

Какая же тут гибель
Селу, что все в цвету?...
А, может, дед погибель
Не ту имел ввиду?

12 июня 1996

Пробьет тот час, когда в пустыне,
Покинув отчие места,
И взяв сомненья непростые,
Ты примешь тяжкий крест Христа.

О жизни позабыв течении,
На перепутье двух дорог
Ты будешь принимать решение,
Судья в котором только Бог!

И если сердце рвется вправо,
То влево тянет строгий ум.
Где свет и темень, лесть и слава?
Куда вести стремленье дум?

Нелегко путь. И в жизни нашей
Мы выбираем лишь одно.
К одной лишь руки тянем чаше:
Отравлено ли в ней вино?

13 июля 1996

В погоне за красивой фразой,
В мазке небрежном смысл ища.
Мы гениев находим сразу,
Их в водах почестей плеща.

Мы признаем их совершенство,
Считая, что искусства вязь
Таких мыслителей — блаженство,
Себя же втапываем в грязь.

Или, рисуя в две минуты,

Квадратов черных ценим лик,
В спокойствии находим смуты,
Что просто, то ценнее вмиг.

Все очевидно в жизни бренной,
Да только в том и вся беда,
Что истинных творцов бесценных
Не разглядеть нам никогда.

30 июля 1996

Я на немецкий, как на эшафот
Иду и по дороге умираю,
И будь то пересказ иль перевод —
Я ни того, ни этого не знаю.
1997

Я помню город многолюдный,
Что словно сон явился мне
В переплетенье зданий чудных,
Игравших светом при луне.

Где что не улица — движение,
Где каждый дом — отдельный мир,
Безумных гениев творенье
И всевозможных красок пир...

И точно камень преткновения,
Необработанный алмаз,
Как музыкант без вдохновенья,
Все рушил человека глаз.

Он различал всего два цвета —
Два разных полюса земли —
И блики плачущего лета
В нем отразиться не могли.

Скупыми, ровными шагами
Размерил путь свой человек,
Не замечая под ногами
Двух желтых листьев плавный бег.

И от того, вдруг, стало больно,
Что захотелось поскорей
Покинуть мне сей город вольный,
Проститься с светом фонарей,

И, расставаясь с этим дивом,

Тотчас отправился туда,
Где ни людей, ни град красивый
Я не увижу никогда.

9 октября 1996

Пусть текут по щекам слезы,
Пусть сливается сон с былью.
Не смогу оживить розы,
Не смогу обрести крылья.

Все еще не моей тенью
Покидают лучи стены,
Наслаждаясь твоим пеньем
И декором твоей сцены.

Пусть над нами одно небо —
Не угаснут мои чувства,
Хоть корми лишь водой с хлебом,
Хоть от этой любви грустно.

Все ищу я к тебе бродя.
Без тебя мне не жить вольно.
Пусть на это уйдут годы,
Пусть моим лепесткам больно.

30 января 1997

Родившись на свет непокорным,
Не веря учениям школ,
Считая все странным и спорным,
В конце концов, небо довел.

Я думал не так, как учили,
Желая моря осушить,
Дивился, как люди все жили,
Пытаясь по-своему жить.

Ни славы не знал, ни награды,
Я в истине видел лишь дым,
Любил не того, кого надо
И умер... совсем молодым.

Пусть кто-то решит, что наказан,
Вступив с Повелителем в спор,
Да только успел быть рассказан
Всей жизни моей разговор.

18 февраля 1997

В пучинах седых океана,
Куда не идут корабли,
Я островом маленьким стану —
Осколком могучей земли.

И горестно мне, что в широты,
Где я затерялся навек,
Не бриги плывут и не боты,
Не рыбы и не человек.

Лишь волны, да ветры лихие,
В чьей власти седой океан,
Приносят мне вести сухие
О жизни неведомых стран.

Я в дни непогод и несчастья
Оставлю пустые мечты
И землю представлю, где счастье
Там, может быть, счастлива ты.

20 февраля 1997

Не Вы ль, с чьим именем, поверьте,
Я на устах вставал и спал,
Клялись, что будете до смерти
Хранить высокий идеал?

В ком видел преданность искусствам,
Творца благих и честных дел,
В том человеческие чувства
Вершили полный беспредел.

Вмиг опрокинуты святыни
И пошатнулся веры храм,
Как будто посреди пустыни
Иду. Куда — не знаю сам.

Блажен, кто верует, конечно,
Ему хвала, ему почет,
А тот, кто в горе безутешном,
Пусть ищет свет и свет найдет.

23 апреля 1997

По залам старинного замка
Я как приведенье бродил
И в свете мерцающим рамкам
Портретов улыбки дарил.

Но гневно с полотен глядели,

Мне взоры даря свысока,
Те, что во мне вора узрели —
Граф М., маршал \$., герцог А...

Скульптуры, стоявшие в нишах,
Им вторили: «Вот он, злодей!»
Едва их шипенье расслышав,
Я к лестнице прыгнул скорей.

Но были все заперты двери,
И окна закрылись навек,
Пока эти люди и звери
Глядели на мой вечный бег.

Не спрятаться мне, не укрыться
От гнева скульптур и картин,
И с мыслью пора бы смириться:
Вас много, а я — лишь один.

18 мая 1997

Январским утром, в лютые морозы,
Когда в разгаре будет жизни пир,
Оставлю я несбыточные грезы
И навсегда покину этот мир.

Уйду от вас, не хлопнув громко дверью,
Не стану я вниманья привлекать
И дряхлому не уподоблюсь зверю,
Что слишком долго будет умирать.

Меня друзья забудут и родные,
Лишь скроется с их глаз могильный крест,
Театр — мир останется как ныне,
Займут в нем столько же, как прежде мест.

А вы все также сядете в партере,
Держа в руках букет из алых роз,
Спокойны и печальны в высшей мере...
Не суждено мне видеть ваших слез.

18 августа 1997

Нам уже не поменять дороги —
Выбран был однажды жизни путь.
Мы теперь в стремительном потоке,
Там, где нужно плыть или тонуть.

Не сменить уже ориентира —
Светит нам с тобой один маяк,

Можно от людей уйти, от мира,
От себя лишь не уйти никак.

Не вернуть ушедшие мгновенья,
Радость встреч вовек не воскресить —
Значит с легкостью морского дуновенья
Нужно дальше жить, дышать, любить,

Не терять напрасно ни минуты,
Не бояться, не идти в обход,
А порвав сомнений тяжких путы,
Надо плыть и плыть нам лишь вперед!

30 июля 1998

Я — птица, что гордо реет
Под сводом седым небосвода.
Ничто мою душу не греет —
Ведь имя мое — свобода.

Я — лань, что без устали скачет
По гористым склонам земли,
А это одно только значит —
Свободой меня нарекли.

Я — рыба, что запросто может
Ложиться на самое дно.
Ничто мою душу не гложет —
Мне имя свободы дано.

Ни радости, ни печали
Меня не заботят ничуть.
Пусть сердце мое из стали —
Зато из воздуха грудь.

1 апреля 1999

Я уже никогда не заплачу
Ни по Вам, ни по вашей любви.
Я не верю в судьбу и удачу,
Как к себе ты ее не зови.

Пусть с тобой мы всегда были рядом
И как будто считались близки,
Холод все ж овладел твоим взглядом,
Твоим сердцем, движеньем руки.

июль 1999

Мы с тобою опять разминулись

На коротком отрезке земли,
Лишь деревья под снегом проснулись,
Лишь дороги едва замели.

Мы блуждали в одном лабиринте,
Слыша только свои голоса,
Что сливались водой в гиацинте,
На котором пылала роса.

Мы искали друг друга глазами,
Просыпаясь от стука колес,
Но едва лишь увиделись сами —
В ночь тебя скорый поезд увез.

Мы ложимся в чужие постели,
Вновь встаем и ложимся опять,
Ненавидя всех тех, что посмели
Нас с тобой другу друга отнять...

Дней ненастных минует немало,
Прежде чем мы не сможем простить,
Что звезда нам когда-то сияла,
Что вдвоем мы должны были быть,

И что встретиться мы могли раньше,
Чтобы вечно друг друга любить,
Чтоб играл наш оркестр без фальши,
И что все-таки стоило жить...

19 ноября 2001

Три фразы на открытке у меня,
Три фразы, точно тройка синих птиц,
Летающих из заснеженных столиц
На яркий свет душевного огня.

Три фразы на знакомом языке
Дороже сотен тысяч прочих слов,
И пусть их слог уже совсем не нов,
Они принадлежат твоей руке.

27 ноября 2001

О***

Как мимолетна встреча наша
На этом сумрачном пути!
Но взглядом теплых глаз украшен
Он только нас манил идти.

Сквозь желтизну опавших листьев,
Сквозь мерный сон под стук колес

В страну отвергнутых мной истин,
В край несбывающихся грез.

Вдыхая запах сигареты,
Внимая ласке ясных глаз,
Могли ли знать, что встреча эта
Бывает в жизни только раз?

Как мы смотрели друг на друга,
Стыдливо взор свой отводя!
Ах, этот блеск в глазах и руки
Я не забуду никогда!..

Как холодно мы распрощались!
И разошлись, как корабли,
Но только в памяти остались
И образ, и слова твои.

18 октября 2003

М.Б.

За все, что сказано со зла,
За слезы, муки и сомненья,
Грехи, которым несть числа.

Прости мое непониманье,
Моих насмешек горький яд,
За то, что наше расставанье
Идет уж третий год подряд.

Я у тебя прошу прощенья
За все, что сказано не так,
За то, что нет порой терпенья,
Чтоб не цепляться за пустяк,

За то, что прожитые годы
Не разожгли любви огня,
Прости за боль и за невзгоды —
За все, за все прости меня.

22 февраля 2004 (прощеное воскресенье)

Я помню все до самой сути
Какой бы ни было порой.
Прошу одно: вы только будьте,

Мои стихи, всегда со мной.

Любви моей воспоминанья
Вы воскрешаете опять.
Какие новые признанья
От вас еще могу принять?

В разлуках вы не виноваты,
Хоть я на вас срываю зло,
И в вас за все ищу расплаты —
Стихов иное ремесло.

Без вас не написать портрета,
Любая живопись — мазня,
Вы — сердце каждого поэта,
Без вас мне не прожить и дня.

В долгу всегда я перед вами,
Не видя участи иной,
Как жить и верить со словами —
«Мои стихи всегда со мной!»

24 февраля 2004

Из бесконечных взоров, взглядов,
Тех, что встречались мне порой
Или незримо были рядом
Я не забуду только твой.

Твои глаза звучат набатом
Ста тысяч пленных голосов,
Как будто раскаленный атом
Пронзил пучину холодов.

В них кроется вся боль Вселенной,
Что принял на себя Христос.
Они взирают вдохновенно,
Коля шипами алых роз.

Твои глаза глядят с укором,
В них обвинений жгучий яд,

Звучащий смертным приговором
За все, что в жизни сделал я...

За то, что в бурном океане
Тебя от бед не уберег,
За то, что в голубом тумане
Другой мерещился мне бог,

За то, что поздно повстречались,
В других морях вели бои,
Не в тех и не тогда влюбились...
Но я люблю глаза твои!

17 ноября 2004

Не оставляйте мне надежду,
Когда любовь уже прошла,
То не вернуть ее, как прежде,
И вновь пленяет сердце мгла.

Не убивайте ожиданьем,
И не к чему того жалеть,
Кто бестолковым изваяньем
Отныне вечно будет тлеть.

Не заставляйте меня верить,
Что в вашей жизни есть другой,
Что вам любви открылись двери,
А мой удел теперь — покой.

Не мучайте меня собою,
Своим незримым бытием...
Я буду вас любить, не скрою,
Сильнее с каждым новым днем.

23 ноября 2004

Учитель истории

Никто не может видеть поверх себя... Всякий усматривает в другом лишь то, что содержится в нем самом... Ибо никакой ум не виден тому, у кого ума нет, а всякая оценка есть произведение из стоимости ценимого на познавательный кругозор ценящего.

А. Шопенгауэр

«Школьные годы чудесные, с дружбою, с книгою, с песнею... Странно, но почему-то именно эти слова из старой доброй песни первое, что приходит на ум, когда вспоминаешь школу. Нет, конечно, можно вспомнить и любимых учителей (впрочем, какие учителя нелюбимые, если ты учился на одни „пятерки“?), и молодого энергичного директора, и своих одноклассников, и много чего еще... Хотя со времени памятного выпускного в одиннадцатом классе прошло не так-то много — меньше трех лет, какими далекими кажутся теперь эти годы. Только теперь понимаешь, что чем меньше остается в тебе беззаботного детского веселья, тем больше появляется мудрости и спокойствия... Эх, школа, школа! Все течет, все изменяется. Не стоишь же и ты на месте?..»

Так думал я, торопясь по заснеженной дороге к знакомому до боли зданию школы, где мне впервые в жизни предстояло почувствовать себя в качестве учителя. Дело в том, что несколько дней назад заболел один из преподавателей истории, и мне предложили его заменить. Я, недолго думая, согласился, так как еще с первого курса хотел преподавать в школе. Впрочем, кому из нас хотя бы однажды не захотелось побывать в роли учителя: скрупулезно объяснять учебный материал, деловито водить мелом по доске и выставлять оценки в журнал? Однако тогда я даже и не подозревал, сколь трудна окажется работа учителя, и как сильно она повлияет на всю мою дальнейшую жизнь.

На своем первом уроке истории в пятом классе я появился вместе со своей бывшей учительницей, которая была и моим классным руководителем тоже. Это была опытная тридцатилетняя женщина-педагог с пышными волосами и пронзительным взором.

— Дети, — сказала она звонким хорошо поставленным голосом, — это ваш новый учитель истории, Михаил Витальевич.

Ученики, выстроившиеся со звоном на урок возле своих парт, отреагировали на слова педагога гробовым молчанием. Они с любопытством разглядывали меня с ног до головы, не зная еще чего от меня можно ожидать — хорошее или плохое.

— Не стану тебе мешать. Если что, то я буду в учительской, — шепнула мне моя наставница, тактично удаляясь из класса.

— Садитесь, пожалуйста! — робко сказал я детям, но меня никто не услышал.

— Садитесь, пожалуйста! — повторил я, но уже громче, и ученики шумно сели.

Урок начался. Первое, с чего я начал, и о чем вскоре сильно пожалел, было знакомство с классом. Я принялся зачитывать фамилию и имя ученика, который тут же вставал, но на первой же фамилии в списке запнулся, не зная, как ее правильно прочесть, в других не так ставил ударения. Все это вызвало естественный смех в классе, но зато смутило меня. Я, мило улыбаясь, стал извиняться, что с одной стороны позволило расположить к себе класс, но с другой способствовало появлению шума, который нужно было прекратить. Поначалу к своим ученикам я все время обращался только на «вы» (вот что значат три года учебы в университете!), что было бы вполне естественно в старших классах, но совершенно непонятно пятиклассникам.

После моего знакомства с классом, в ходе которого не удалось запомнить почти никого, я перешел к опросу домашнего задания и был приятно удивлен, увидев, что дети довольно хорошо знают содержание параграфа. Даже у нас на факультете такую активность проявляют

не многие. На «четверки» и «пятерки» я старался не скупиться, заслуженно ставя их тем, кто отвечал. Спрашивал я лишь по желанию, благо желающие были, решив, что так буду поступать всегда. Таким образом, те, кто действительно хотел ответить — делали это без препятствий, те же, кто не хотел — могли спокойно сидеть и не дрожать, опасаясь, что их в любую минуту могут спросить. Впрочем, так продолжалось недолго, и мне вскоре пришлось прибегнуть к другой практике.

Больше всего на свете на своем первом уроке я боялся того, что мне не хватит времени для объяснения нужного материала, ведь сказать хотелось так много, да и тема к тому же была довольно сложной — «Наука в Древней Греции». Рассказав о трудах «отца истории» Геродота, о том, кто такой Гиппократ и что такое клятва Гиппократа, я плавно перешел к древнегреческой философии, вернув еще в самом начале своей речи мудрое высказывание Протагора: «Человек — есть мера всех вещей».

— Древние философы всегда интересовались тем, откуда произошла жизнь на земле, — говорил я. — Так, первопричиной всех вещей древнегреческий философ Фалес считал воду, а Анаксимен — воздух.

— ???

— Ну, проще говоря, Фалес считал, что все, что нас окружает, взято хотя бы стол или стул, произошли из воды...

Ученики были явно не готовы к такому пониманию философии. Выпученными глазами они смотрели на меня как на человека либо говорившего на иностранном языке, либо лишившегося рассудка, и я понял, что вникать в тонкости древнегреческой философии в пятом классе еще рановато, тем более что сам я в ней мало что понимал.

До звонка оставалось целых пять минут, когда я рассказал ученикам все, что хотел. Оставалось лишь задать домашнее задание. Я назвал ученикам номер параграфа, объяснив при этом, что нужно знать и как рассказывать, и хотел было объявить об окончании урока, как какая-то девочка, по всей видимости, отличница, заявила.

— А нам Мария Григорьевна всегда задавала письменно отвечать на какой-нибудь вопрос.

— Что ж, в таком случае записываем вопрос, на который нужно будет ответить письменно, — не растерялся я, судорожно соображая, какой бы вопрос можно было задать.

Со всех сторон на девочку-отличницу зашипели одноклассники.

— Она врёт! Нам никогда не задают на дом такие задания, — с детской наивностью уверяли меня некоторые. — Задайте лучше ей одной!

Но отступать уже было поздно, и я задал письменное задание всему классу. Едва прозвенел звонок, как дети с шумом стали собираться и покидать класс. Я же, прихватив с собой журнал и закрыв на ключ кабинет, спустился в учительскую, где любопытные учителя тут же осыпали меня градом вопросов.

— Ну, как тебе дети?

— Не устал еще?

— Справляешься?

Я довольно уклончиво отвечал на все их вопросы, ибо меня наполняли все еще противоречивые чувства, но стоило мне только заикнуться о том, что я, вероятно, слишком много улыбаюсь детям, как одна их педагогов сказала.

— Ты что?! Чем реже будешь им улыбаться, тем лучше, а не то они быстро тебе на голову сядут.

Здесь, в учительской, я, кстати, отметил одну очень интересную деталь. С детьми учителя разговаривают совершенно иным тоном, нежели между собой. Можно подумать, что дети хуже понимают русский язык, и с ними обязательно нужно говорить на повышенных тонах.

Мой следующий урок, тоже в пятом классе, прошел довольно-таки хорошо. Собственно о том, как должен был проходить урок, я не знал и имел очень смутные представления о его структуре, основанные, прежде всего, на том, что я помнил еще со школьной скамьи. Тот класс, что пришел ко мне вторым, казалось, был более разговорчив и раскован. Не успел я во время походившей к концу перемены сесть за учительский стол, как дети тут же обступили меня и засыпали вопросами.

— Это вы у нас будете вести историю?

— А сколько вам лет?

— А как вас зовут?

На уроке в этом классе я постарался изложить ученикам древнегреческую науку, включая и философию, попроще, однако на этот раз не успел уложиться вовремя. Звонок с урока так сильно подействовал на детей, что они едва смогли получить домашнее задание.

Сложнее всего урок истории в тот день прошел в седьмом классе. Как выяснилось позже, в этом классе были собраны далеко не самые успевающие ученики. Уже на перемене двое ребят подошли ко мне с вопросом, облокотившись на учительский стол.

— Это ты у нас будешь заменять историю?

На что я им ответил.

— Во-первых, не «ты», а «вы», а во-вторых, нечего облакачиваться на учительский стол.

В начале урока, когда я проводил проверку домашнего задания, выяснилось, что класс готов к нему очень плохо. Добровольно отвечать не хотел никто, поэтому я стал спрашивать по журналу. Каждый, кого бы я ни спросил, находил свою отговорку: первый забыл записать домашнее задание, у второго не было учебника, третьего не было на прошлом уроке, а четвертый утверждал, что им вообще ничего не задавали. Безусловно, все их отговорки были «шиты белыми нитками», а улыбающиеся лица выдавали истинные причины незнания домашнего задания, однако портить отметками настроение в первый день своей работы я не хотел ни себе, ни людям. Собственно с этим классом хорошие отношения складывались у меня долго и непросто. Не теряя больше времени попусту, я перешел к объяснению нового материала, но ученики, игнорируя мое присутствие, принялись вполголоса разговаривать между собой и лишь делать вид, что они что-то записывают в тетрадь. Я принялся дефилировать между рядами, строго посматривая на болтавших. При моем непосредственном приближении разговоры тут же прекращались, зато возникали на другом конце класса. Были, конечно, и такие, кто внимательно слушал меня, и именно они просили меня говорить погромче, что я и делал, однако это ни к чему хорошему не приводило: разговоры в классе продолжались, и выявить их зачинщика не представлялось возможным, а наказывать первого попавшегося, причем, как всегда, самого невинного, как это у нас часто делается, я не собирался.

Сразу же после урока я вновь спустился в учительскую, где и поделился с учителями своими нелестными впечатлениями о только что увиденном классе.

— Даже не знаю, что с ними делать, — сказал я.

— Да ты указкой им дай хорошенько, а то так они чего не поймут, — посоветовала мне одна из преподавателей, предложение которой почему-то никак не могло уложиться в моей голове.

На следующий день я попытался вести себя с детьми увереннее и смелее. Мой тихий голос, которым я разговаривал накануне, казалось, крепчал с каждым новым уроком. Я был просто поражен отличной подготовкой к уроку 6 «а» класса, где каждый ученик, кого ни возьми, был готов отвечать домашнее задание. Первое впечатление об этом классе оказалось настолько сильно, что я затем все время испытывал особые симпатии к этим ученикам. Я даже решил провести здесь некое подобие эксперимента, смысл которого сводился к тому, чтобы приложить все усилия для того, чтобы путем выставления исключительно положительных оценок стимулировать тягу детей к познанию истории. К сожалению, здесь мне не удалось

избежать и одной серьезной педагогической ошибки, а именно: расхваливать этот класс перед учениками остальных шестых классов и сожалеть о том, что меня не назначили их классным руководителем. Впоследствии, правда, эту ошибку удалось исправить.

В тот же день у меня был урок и в том шестом классе, где классным руководителем была заболевшая Марина Григорьевна, которую я заменял. Этот класс почему-то поначалу не понравился мне своей резвостью и шумом, зато дети, как мне показалось, полюбили меня сразу. Едва закончился мой урок (а это был последний урок в тот день), как дети, в большинстве своем девочки, гурьбой обступили меня с тали просить стать их новым классным руководителем.

— Ну, я даже не знаю... Надо будет подумать, — замылся я, взвешивая, смогу ли я помимо преподавания в школе и учебы в университете добросовестно выполнять обязанности классного руководителя.

— Михаил Витальевич! Мы вас очень просим! — не унимались девочки.

— Но ведь я один не могу решить этот вопрос. Вот если директор школы, Татьяна Павловна, согласится, тогда — пожалуйста, — ответил я, наивно полагая, что ссылка на директора школы станет тем самым препятствием, которое ученики не смогут преодолеть.

Однако, вопреки всем моим ожиданиям, дети дружно направились к кабинету директора. Я тем временем собрал свои вещи, снял с доски карту и, закрыв кабинет, спустился на первый этаж. Собравшись уже идти домой, я неожиданно для себя встретил в коридоре Татьяну Павловну, окруженную радостными шестиклашками.

— Михаил Витальевич! С завтрашнего дня вы будете исполнять обязанности классного руководителя 6 «в». Приказ я подготовлю, — с очаровательной улыбкой на лице сообщила мне директор. — Дети мне сказали, что вы согласны.

— Да... Конечно, — ответил я, понимая, что отступать уже поздно.

Уже потом выяснилось, что главной обязанностью классного руководителя было своевременное заполнение и ведение журнала, да забота о посещаемости учениками школы. Не то, чтобы я совершенно не хотел брать на себя заботы классного руководителя, просто на это у меня катастрофически не хватало времени: первая половина дня — в университете, вторая — в школе, до самого позднего вечера — подготовка к ним, а выполнять обязанности с позиции бездушного формализма мне вовсе не хотелось. Кроме того, в любой момент могла поправиться и выйти на работу прежняя учительница, а потому строить долговременные планы было бы бессмысленно.

Спустя неделю моей работы в школе ко мне после уроков подошли две девочки из моего класса, одна из которых, после долгих колебаний, застенчиво призналась мне в любви. Признание это выглядело совсем по-детски: робко, с улыбками и препирательством с подругой, и даже некоторым кривлянием. Тем не менее, все это было столь неожиданно для меня, что я просто растерялся, не зная, что и ответить, в то время как пара детских симпатичных глаз именно этого от меня и ждала. Понимая, что ответить нужно вполне педагогично, считаясь одновременно с чувствами ребенка, я не нашел в тот момент ничего более подходящего, чем пролепетать что-то невразумительно-нейтральное и отложить разговор на будущее. Уже позже, собравшись с мыслями, я, как мне показалось, смог довольно красноречиво объяснить девочке, что такое любовь в ее возрасте, какие взаимоотношения между нами могут быть вообще, и что в будущем она непременно встретит свою настоящую любовь и т. д. и т. п. Между прочим, на один из моих аргументов о том, что мне уже все-таки двадцать лет, последовал ответ: «Ну и что? А мне двенадцать». С подобным признанием ко мне вскоре обратилась другая девочка, но спустя некоторое время «любовная эпопея» закончилась, чему, очевидно, в немалой степени способствовало и мое обращение к классу о том, что я люблю весь класс, а это значит и каждого ученика в отдельности... Впрочем, одна девочка из моего класса продолжала на каждом углу трезвонить, что она меня любит, постоянно споря со мной из-за каждой оценки, и на мой вопрос «Почему это я должен ставить тебе „4“, когда работа написана на „3“?», она всегда

отвечала: «Как почему? Но ведь я же вам призналась в любви, Михаил Витальевич! Вы что, не помните?». Не знаю, насколько все было откровенным, но то, что понимание ребенком, что такое любовь бывает настолько приземленным, видимо, отражает реалии нашего времени.

Между прочим, когда на любовные признания, записочки и иные проявления сентиментальности со стороны девочек я не отвечал так, как им того хотелось бы (впрочем, что именно им нужно было, я не знал, и на мой прямой вопрос: «Так чего же вы от меня хотите?» они отвечали либо задумчивым молчанием, либо фразой «Да так, ничего»), один мальчик из моего класса из моего класса заявил, что он «голубой», пытаясь при каждом удобном случае обнять меня. И хотя все это выглядело довольно наигранно, я, тем не менее, вновь оказался в некотором замешательстве. Объяснив ученику, что некрасиво вешаться на учителей, я занял в целом совершенно стороннюю позицию. Безусловно, дети испытывали меня, нередко провоцируя на те или иные действия, что, кстати, иногда им все-таки удавалось.

В считанные дни я смог расположить к себе многих учеников, доказательством чего может служить неформальное обращение детей ко мне: «Дядя Миша». Такое обращение было несколько необычным для школы, и я настоял на том, чтобы ко мне все-таки обращались по имени-отчеству. Долго дети отказывались от этого, пока, наконец, выражение «дядя Миша» (равно как и просто «Мишка») не стало употребляться лишь в моем отсутствии между самими ребятами.

Сложнее всего было найти общий язык с двумя седьмыми классами. Несмотря на то, что на их уроках впоследствии часто присутствовала завуч школы, преподавать там историю было чрезвычайно трудно. Как-то на одном из своих первых уроков в 7 «б» я по обыкновению ходил между рядами и объяснял новый материал — эпоху правления Петра I, но только лишь я направился к доске, повернувшись спиной к классу, как какой-то сорванец плюнул бумажным шариком из трубочки, попав мне прямо в ухо. Ситуация явно требовала разрешения. Я тут же обернулся к классу, увидев перед собой несколько ехидных мальчишеских физиономий. Некий двоечник Дима сидел за последней партой, держа в руках часть ручки, из которой он, по моим наблюдениям, весь урок плевался в своих товарищей, и подозрительно смотрел мне прямо в глаза. Был ли это прямой вызов, брошенный мне, или же признание своей вины, трудно сказать, однако определить виновника содеянного, как мне показалось, было несложно.

— Кто это сделал? — несколько раз спокойно спросил я, но ответом мне была неслыханная доселе гробовая тишина.

— Пусть тот, кто только что плюнул в меня, встанет, — продолжил я, но слова мои были напрасны.

— Я не буду продолжать урок до тех пор, пока тот, кто сделал это не встанет, — сказал, наконец, я и сел за учительский стол.

Пять минут прошло в молчании, прерываемом то и дело перешептываниями учеников по поводу того, кто все-таки посмел плюнуть в учителя, и что вообще произошло. В классе слышались возгласы, обращенные к Диме с тем, чтобы он встал и во всем признался. Виновник происшедшего категорически отрицал свою вину, при этом сильно покраснев, что все больше убеждало меня в правильности моих подозрений. Урок подходил к концу, однако отступать я ни за что не собирался.

Наконец, я взял журнал и, торопливо покинув класс, оставшийся в неопределенности, направился в учительскую на поиски завуча. Я решил пренебречь советами своего университетского преподавателя по педагогике, учившего, что конфликты с учениками нужно разрешать исключительно самостоятельно, так как обращение за помощью к администрации свидетельствует о непрофессионализме учителя. Пока я искал замдиректора по учебной части, прозвенел звонок, и шумные дети заполонили коридоры школы. Так и не найдя завуча, я отправился обратно в класс, встретив по пути директора школы и свою бывшую классную. Дирек-

тора я знал очень хорошо, так как учился вместе с ее сыном в этой школе, а потому посчитал себя вправе рассказать обо всем ей.

— Мы это дело просто так не оставим, — пообещала мне Татьяна Павловна. — Сообщим классному руководителю, вызовем родителей в школу... А ты, если что, обращайся прямо ко мне или к завучу, Инне Александровне.

Через несколько дней меня позвали в учительскую, где уже были директор школы, сам Дима и его классный руководитель. У этого Димы, кстати, в том же классе был родной брат-близнец (которых я так и не научился различать), что делало многие ситуации просто анекдотичными.

— Почему ты плевался в учителя? — строго спрашивала классная у своего ученика.

— Это сделал не я... У меня даже трубочки не было, — обиженным голосом отвечал тот.

— Тогда кто?

— Не знаю.

— Значит, учитель сам все придумал? Да?

Ученик молча смотрел то на меня, то на свою классную, то на директора школы. После долгих разговоров от ученика все же удалось добиться извинений, хотя своей вины он по-прежнему не признал.

— Сил нет биться ни с ним, ни с его братом, — вздохнув, сказала мне классный руководитель, когда Дима вышел из учительской. — Через родителей тоже ничего не добьешься: отец — в тюрьме, мать — пьет, а дети нюхают клей по подвалам.

— Они ни разу не были готовы к моим урокам, ведь у них даже учебника по истории нет, — вставил слово я.

— Странно, третья четверть заканчивается, а у них все еще нет учебника. Как же они учатся? — удивилась директор.

— У них нет на это денег, ведь эти учебники дети теперь покупают самостоятельно, — произнесла классная.

— Пусть напишут заявление на мое имя, и школа выделит им деньги.

— Хорошо, Татьяна Павловна, мы так и сделаем, — заключила педагог, и мы разошлись.

Как-то раз мне пришлось водить к завучу и одну девочку из моего класса. Во время перемены, когда дети обступили меня, сидящего за учительским столом, она неосторожно обронила нецензурное слово. Это было так неожиданно слышать из уст девочки-шестиклассницы, что я сразу же после урока повел ее к завучу. Ученица очень боялась этого, долго извинялась и сопротивлялась, однако я был непреклонен, тем более что к тому моменту эта непоседливая девочка что называется «достала» меня, постоянно разговаривая на уроке, мешая другим ученикам работать и нередко пререкаясь со мной. В кабинете завуча она выслушала все нотации опытного педагога, написала объяснительную записку и попросила у меня прощения.

— Простите меня, Михаил Витальевич, я больше так не буду, — краснея, произнесла она.

— Я надеюсь на это, Аня, — ответил я, и девочку отпустили.

Надо признать, что с тех пор я больше никогда не слышал от детей нецензурных слов.

Еще один инцидент произошел прямо на уроке в пятом классе. Одна из учениц позволила себе несколько раз обратиться ко мне на «ты», на что я сделал, соответственно, замечания. Увидев, что мои слова не оказывают на нее никакого действия, я сказал:

— Маша, если ты еще хоть раз назовешь меня на «ты», мы пойдем с тобой к директору.

— Что мне твой директор сделает? Испугалась я больно, — ответила она мне.

Фразу, сказанную при всем классе, я просто не мог оставить без внимания. С неуважением в свой собственный адрес сталкиваться мне уже приходилось, но чтобы подобное говорили в адрес директора школы — я слышал впервые.

Сразу же после урока я за руку с ученицей отправился в кабинет директора. Не знаю, почему я не пошел сперва к завучу, а отправился прямо к директору, быть может потому, что

ее имя фигурировало в инциденте, а может потому, что лучше знал Татьяну Павловну, но так или иначе за мной увязался почти весь пятый класс, желавший увидеть, что же будет с их одноклассницей. Войдя в канцелярию, я застал там Татьяну Павловну.

— Маша, расскажи Татьяне Павловне то, что ты говорила на уроке сегодня мне, — сказал я, однако ученица была, видимо, так перепугана, что не могла произнести ни слова.

Тогда я сообщил директору обо всем, что произошло только что на уроке.

— Чтобы завтра же твои родители были у меня, — строго сказала Татьяна Павловна пятикласснице. — С утра я буду в роно, а после 10 часов пусть приходят. Ты меня поняла, Маша?

Ученица ответила лишь кивком головы, и мы с ней вышли из канцелярии. Что произошло потом, я не знаю, но только больше она никогда не обращалась ко мне на «ты», хотя и показывала всем своим видом презрение ко мне. Спустя несколько дней завуч школы узнала об этой истории и сделала мне замечание, что я не пришел, прежде всего, к ней, что на деле означало несоблюдение мной субординации.

Безусловно, не с каждым учеником у меня складывались хорошие дружеские отношения, да собственно я и не стремился к тому, чтобы завоевать популярность у детей, потакая их желаниям. Были и такие, у кого неплохие отношения сложились с предыдущим преподавателем, и учились они у него лучше, чем у меня, но редко кто позволял себе допускать грубость в мой адрес. Одна пятиклассница, считая, что я слишком занижаю ей отметки, в порыве обиды даже заявила мне:

— Михаил Витальевич! Мы вам за это не подарим цветы на 8 Марта!

Я едва сдержался от истерического смеха, представляя себя, принимающего в подарок цветы на 8 Марта.

К некоторым детям, которые хотя и вели себя на уроках не слишком хорошо, я, тем не менее, испытывал особую симпатию. Именно тогда передо мной и встала проблема выставления оценок. Сперва, когда все дети для меня были одинаковы, я ничуть не задумывался над тем, что ставить — «4» или «5». Теперь же, когда передо мной были конкретные личности, делать это было намного сложнее. Всегда был против разделения учеников на «любимчиков» и «нелюбимчиков», но, только начав работать в школе, понял, что избавиться от этого при всем желании невозможно. Впрочем, выставление оценок — это лишь надводная часть айсберга каждодневной кропотливой работы учителя. Ближе познакомившись с каждым учеником, начинаешь чувствовать, кто списывает, а кто не будет этого делать никогда, кто вникает в смысл прочитанного, а кто тупо зазубривает отрывок наизусть, наконец, для кого неподготовленность к уроку исключение, а для кого — закономерность.

С первых же дней своей работы в школе я принялся посещать уроки других преподавателей для того, чтобы, во-первых, набраться опыта, а во-вторых, выяснить, как ведут себя дети на других уроках. Присутствовал я на уроках своего любимого б «а», тогда как по логике вещей должен был быть на занятиях в б «в», где я исполнял обязанности классного руководителя. На уроке географии стоял такой шум, что я, по совести сказать, был доволен, что на моих уроках гораздо тише. Может быть, этому способствовала форма проведения урока, когда каждый из учеников зачитывал свой доклад, тогда как другие не знали, чем себя занять. Казалось, что докладчика слышит лишь стоявший с ним педагог, не говоря уже обо мне, сидевшем на последней парте. На уроке английского наоборот было очень тихо, отчасти потому, что это был не весь класс, а отчасти и потому, что все дети были заняты ответами или исправляли ошибки своих товарищей.

Учеба в университете занимала у меня слишком много времени, так что я даже несколько раз вынужден был опоздать на занятия в школу. Один раз, буквально вбегая в свой класс, я обнаружил, что урок уже начала вести завуч (благо это был пятый класс).

— Прошу извинить меня за опоздание, — пролепетал я, готовясь к уроку.

— Михаил Витальевич! Вы уже не в первый раз опаздываете, — пожаловалась какая-то девочка.

— Неправда. Я еще никогда не опаздывал к вам, — ответил я, понимая в какое неловкое положение ставят меня дети.

Собственно, я был прав, так как нельзя же считать опозданием задержку на минуту-другую, когда все преподаватели только со звонком начинают расходиться из учительской.

— Дети! Вы же знаете, что Михаил Витальевич не только работает в школе, но и учится в университете, — сказала завуч, покидая кабинет.

С педагогическим коллективом отношения у меня складывались вполне хорошие, несмотря на то, что мужчин в школе помимо меня было лишь двое — физрук и преподаватель ОБЖ. К тому же многие из учителей учили меня всего несколько лет назад. Исключением можно считать мои отношения с одной из преподавателей русского языка, которая была в натянутых отношениях не только со мной, но лишь я один позволял себе не здороваться с ней. Она поведала и другим учителям об этом, так что мне даже по-дружески сделали замечание. Конечно, по работе я был вынужден с ней сталкиваться, однако как человек она внушала мне лишь антипатию.

Как-то раз я даже не поздоровался с одним из своих учеников возле собственного дома. Мне и в голову не могло прийти, что в совершенно противоположном районе города, где я живу, может появиться мой ученик, да и зрение не позволило мне разглядеть его издали. Уже на уроке он, между прочим, спросил у меня.

— Михаил Витальевич! А почему вы не поздоровались со мной?

— Когда?

— Вчера. На Портовой.

— Так это был ты?

— Да, я там живу.

— Ну, тогда извини. Я и подумать не мог, что ученики уже так близко подошлись к моему дому.

С тех пор мы нередко встречались с ним возле моего дома и даже во время летних каникул, когда многие ученики «забывают» своих преподавателей, непременно здоровались друг с другом.

Мои отношения с детьми складывались по-разному. С одной стороны я не стремился отдалиться от них, как это делали некоторые мои коллеги, но с другой стороны не пытался ставить себя на один уровень с ними, хотя последнее при моем отношении к детям сделать было далеко не просто. Так, например, я позволял себе бегать по школе (не так быстро, как некоторые дети, но и не так медленно как пожилые учителя), когда это было необходимо, на уроках — выглядывать в открытые настежь окна. Как-то раз на просьбу одного шестиклассника поставить ему вместо «четверки» «пятерку» я шутливо ответил: «Только через мой труп», и этот мальчик, в тон мне сказав «Что ж, Михаил Витальевич, за этим дело не станет», сделал вид, что хочет выбросить меня в окно. Конечно, спускаться с лестницы по перилам, как это делала одна моя знакомая молодая учительница в соседней школе, мне и в голову не приходило, зато погоняться за детьми мне действительно пришлось. Были среди них и такие, кто, назвав меня не так, как положено, тут же убегали. Однако убежать от меня было практически невозможно, и тогда пойманному ученику приходилось извиняться, дабы избежать неприятного разговора с завучем. Один семиклассник до того довел меня своим неформальным обращением ко мне, что отловив его в очередной раз на лестничной площадке, я решил непременно отвести этого ученика к завучу. Поняв, что я с ним не шучу, мальчик до того перепугался, что даже заплакал. В другой раз я ловил все того же ученика возле школьной раздевалки.

— Что ты пристаешь к детям? Отстань от ребенка, — сердито сказала мне техничка.

— Но ведь это... наш учитель, — слышались со стороны голоса учеников, собравшихся посмотреть на то, что тут происходит.

— Не смей! Учитель... — недоверчиво сказала женщина.

— Конечно, учитель! Он у нас ведет историю! Серега, докажи! — загалдели дети, и недоумевающая техничка поспешила скрыться в темных помещениях раздевалки.

Кто-то может сказать, что все это — детство, оставшееся в моей голове, инфантильность, недостойная настоящего учителя. Но ведь я и не пытался тогда поставить себя над ребенком, увеличивая ту пропасть, которая всегда существует между учеником и учителем. Безусловно, пройдет то время, когда обо всем этом я буду вспоминать с улыбкой, но торопить его вряд ли стоит. Да и подобной игры, а это, безусловно, была именно игра, больше, пожалуй, уже не будет. Как тут не вспомнить изречение Платона: «За час игры о человеке можно узнать больше, чем за год беседы».

Как-то раз я даже сыграл со своими учениками в футбол весной. Они не раз предлагали мне отменить уроки и поиграть в футбол, на что, конечно же, я не мог согласиться. И лишь однажды я назвал им точный день, когда смогу погонять по полю мяч. Весь день любопытные мальчишки заглядывали ко мне в кабинет, ожидая, когда же у меня кончатся уроки. Дождаться этого момента смогло всего несколько человек, с которыми я вдоволь поиграл в футбол, как того и обещал, хотя в университете в подобные игры я играю чрезвычайно редко.

На следующий день вся школа уже была в курсе того, что я играл со своими учениками в футбол.

— Михаил Витальевич! — сказали мне недоумевавшие девочки. — Мальчишки говорят, будто бы вы играли с ними в футбол.

— А что тут удивительного? — ответил я. — Мне же не семьдесят лет.

После этого случая ко мне еще не раз подходили ученики (преимущественно те, кто беспокоился о своих оценках по истории) с предложением поиграть в футбол еще, однако я больше не выходил на поле, пообещав это сделать когда-нибудь в будущем.

Занятия по истории лучше всего у меня получались в пятых и шестых классах, среди которых у меня уже очень скоро сложились впечатления о более сильных и более слабых. Особенно поражал меня 6 «б», где отличников было больше, чем всех остальных. Впрочем, причина этого мне открылась не слишком скоро, а именно — на контрольной работе. Такого обилия изъятых шпаргалок я не встречал даже в университете. При этом если в других классах все это было на более примитивном уровне (положат под себя открытый учебник и списывают с него), то здесь списывание носило строго профессиональный характер. Искусно написанные шпаргалки приходилось доставать из рукавов, пеналов, ручек и прямо из рук. К концу урока мой стол был просто завален этими шпаргалками, которые я потом продемонстрировал своим коллегам. Дети почему-то считают, что учитель не видит, когда они списывают, однако испуганный пристальный взор в глаза педагогу выдает сразу. Одна ученица, недовольная тем, что у нее забрали шпаргалку, спросила у меня.

— Михаил Витальевич! Почему вы отбираете у нас шпоры? Неужели вы сами никогда не списывали?

— Вот именно, что не списывал.

— Неправда. Вы специально так говорите.

Трудно было убедить детей в том, что в школе я действительно никогда не списывал, так как запомнить заданный материал я мог. Другое дело — университет, но там уже иные, более изощренные формы шпаргалок. Собственно, я все время говорил детям о том, что простая фиксация того, когда и где произошло то или иное событие, еще ничего не значит; главное — это понимать суть процесса. Особенно сложно мне было выставять оценки тем, кого я заставлял за списыванием. Несмотря на то, что я обещал снижать за это баллы, в большинстве случаев я не снижал оценки, и лишь за повторное или особо наглое списывание я все же приме-

нял строгие меры. Вообще, я использовал систему, при которой любая положительная оценка могла быть с одним или двумя минусами (встречались даже с тремя, но крайне редко), что расширяло диапазон отметок. Нельзя сказать, что я слишком завышал оценки детям, так как ставил и «двойки», но широко внедрял практику переписи контрольных и самостоятельных работ. Мне приходилось тратить свое личное время после уроков на подобные переписывания и передачи, но я об этом ничуть не жалею.

Когда я только начинал работать в школе, меня удивило, что дети не могут пользоваться картой. За три с лишним месяца работы в школе эту ошибку во многом удалось исправить. И хотя некоторые карты были далеко не в идеальном состоянии, я, тем не менее, очень часто вывешивал их на уроке. Как-то, рассказывая детям о восстании Пугачева, я обратился к карте с тем, чтобы найти на ней город Оренбург, посмотреть на которую до урока я просто не успел. А на уроке у меня присутствовал завуч. Покрутившись возле карты, и так и не найдя злополучный Оренбург, я, волнуясь, продолжил.

— Одним словом, этот город был местом сосредоточения войск Пугачева. На карте он просто не обозначен...

— Михаил Витальевич! Да вот же этот Оренбург! — указала рукой в угол карты одна семиклассница, сидевшая на второй парте. — Что ж вы так?.. Ай-ай-ай...

— Спасибо, Аня, — процедил я сквозь зубы, показав всем остальным затерявшийся на карте город Оренбург.

Вообще некоторые семиклассники любили иногда «поприкалываться» надо мной, ставя меня в дурацкое положение или же задавая после уроков разные некорректные вопросы. Один пятый класс, который мне меньше всех нравился, был почему-то помешан на том, что я вот-вот должен жениться и, увидев однажды, что я разговариваю с молодой учительницей начальных классов, стал делать всевозможные предположения.

На уроке в 6 «б» классе, прославившемся позже своим списыванием, я как-то заметил на парте у учеников миниатюрные шахматы. Недолго думая, я забрал их и поставил к себе на стол. В то время, пока одна ученица отвечала домашнее задание, я на глазах у удивленного класса расставлял шахматы в нужном порядке. Даже отвечавшая девочка на мгновение прервала свой рассказ.

— Продолжай, Юля, мы внимательно тебя слушаем, — сказал я, делая белой пешкой ход e2-e4.

Ученица продолжила свой рассказ, в то время как севший напротив меня на пустую первую парту один из отличников сделал соответствующий ход черными фигурами. Безусловно, играть весь урок в шахматы с детьми я не собирался, однако показать им, как выглядит со стороны их игра на уроке, в то время как кто-то (будь то ученик или учитель) рассказывает всему классу, я считал необходимым. Как ни странно, но больше шахмат или каких-нибудь подобных игр на уроках я не встречал.

Двое семиклассников как-то поставили меня в тупик своим «открытием».

— Михаил Витальевич! А мы знаем, что Надежда Ивановна и Елена Борисовна курят, — сказали они мне.

— Кто вам это сказал? — спросил я.

— Никто. Мы сами видели, как они на переменах закрываются в подсобке кабинета. После этого они жуют жвачку, но мы все равно определяем по запаху, что они курили.

Не зная, что и ответить на это ученикам, я, тем не менее, решил обо всем рассказать названным учителям, но потом просто забыл это сделать. Вообще, начав работать в школе, я стал много чего забывать (преимущественно свои вещи в учительской).

Немало хлопот мне доставил мой нелюбимый пятый класс. И хотя я никогда ни в чем не винил детей, почувствовать, что эти дети чем-то отличаются от своих сверстников, что здесь царит какая-то не такая, более напряженная и злая атмосфера, было несложно. Тут было

несколько учеников из неблагополучных семей, от которых постоянно пахло куревом, которые на уроки приходили лишь иногда и явно негативно влияли на своих одноклассников. Один из таких отпрысков во время урока постоянно расхаживал у меня по классу, разглядывал книги, отбирал вещи у других учеников, мешая им работать, грубо отвечал на мои вопросы. Я обратился за советом к завучу, которая сказала буквально следующее.

— С ним бороться абсолютно бесполезно. Родители его пьют, а сам он со старшеклассниками чистит ларьки. Лучше не обращать на него внимания.

«Не обращать внимания» было очень сложно, но поначалу я терпел. На мои замечания этот ребенок совершенно не реагировал, вел себя откровенно по-хамски и продолжал мне мешать вести уроки. Последней каплей, переполнившей чашу моего терпения, было его явление к учительскому столу, за которым я сидел, глупые гримасы и рожи, перемешивавшиеся с вызывающим обращением в мой адрес.

— Немедленно выйди из класса! — сказал я ему.

— Никуда я не пойду, — последовал ответ.

— Я сказал: немедленно выйди из класса, — повторил я, но ученик пошел прочь от моего стола по направлению к рядам.

Тогда я схватил его за плечи и насильно выставил за дверь. Сопrotивлявшийся ученик тут же вбежал обратно.

— Сам иди из класса! А я никуда отсюда не пойду, — сказал он.

— Ты мешаешь мне вести урок, — в который уже раз повторил я и, недолго думая, взял портфель ученика и выставил за дверь.

Ученик тут же побежал за своим портфелем, в то время как я закрыл дверь на ключ. Выгнанный с урока школьник несколько минут еще барабанил дверь, а потом, прокричав какие-то гадости, убежал прочь. Пару раз еще этот ученик попытался прийти на мои уроки, но я его просто не впускал.

— Ты мешаешь мне вести урок, а детям — отвечать. Я надеюсь, что ты больше не будешь приходить на мои уроки, — говорил я, закрывая перед ним дверь.

Может быть, это было и жестоко по отношению к ребенку, и даже непедагогично, но я прекрасно понимал, что этого ученика наставить на путь истинный уже практически невозможно, тем более мне одному. Зато отсутствие его на моих уроках заметно сказалось на работе класса: дети меньше стали отвлекаться, да и я больше мог им рассказать. Ведь это только некоторые теоретики педагогики из университета могут полагать, что учитель в состоянии перевоспитать любого ученика, но даже самый лучший учитель — не Господь бог, а духовное перевоспитание и совершенствование зависит, прежде всего, от самого человека, сколько бы лет ему не было. Учитель, как и родитель, может лишь помочь ребенку найти верный путь, а не вести его по этому пути всю жизнь.

В работе с детьми я попытался использовать самые различные подходы, однако то, что зачастую срабатывало в одном классе, имело совершенно иной эффект в другом. Так, в первые дни моей работы в школе, когда дети только еще присматривались ко мне, на одном из уроков в седьмом классе, когда ученики своими постоянными разговорами вынуждали меня говорить все громче и громче, я решил пойти на сознательное обострение конфликта. Остановившись на полуслове, я спокойным негромким голосом заявил, что ученики, видимо, сами все хорошо знают, задал домашнее задание и отпустил всех почти за пятнадцать минут до конца урока. Несколько раз меня переспросили, действительно ли я их отпускаю, и, получив сухой лаконичный ответ, недолго думая, собрались и покинули класс. Уже через несколько минут я остался стоять возле учительского стола в гордом одиночестве. Честно говоря, такого я от детей не ожидал.

В другой раз мой урок попытались сорвать ученики того шестого класса, где я был классным руководителем. В момент, когда мой рассказ окончательно потонул в разговорах учеников друг с другом, я сказал.

— Что ж, я вижу вы в состоянии сами изучить новый материал... Наш урок окончен. Все могут быть свободны...

Наступила гробовая тишина, но никто из учеников не сдвинулся с места.

— Я еще раз повторяю: урок окончен. Все могут идти, — равнодушно произнес я, усаживаясь за учительский стол и делая вид, что заполняю журнал.

Ученики зашептались между собой. Некоторые из них стали было собираться, но на них тут же зашипели мои «отличники» и «хорошисты»: «Куда вы собираетесь? Быстро сядьте на место! Вы что, с ума сошли?»

Спустя минуту-другую, от детей стали слышаться предложения и извинения.

— Михаил Витальевич! А вы выгоните тех, кто мешает и не хочет вас слушать!

— Простите нас, Михаил Витальевич, мы больше так не будем! Ну, Михаил Витальевич!

Пораженный тем, как ситуация развивается в этом классе, я, в конце концов, решил сменить гнев на милость и продолжил вести урок. После этого инцидента, безусловно, идеальной тишины на уроках не было, но и до подобного конфликта дети никогда больше не доводили.

В соответствии с учебной программой шестые классы шли у меня с явным опережением (тогда как седьмые — наоборот), поэтому для разнообразия я иногда задавал шестиклассникам писать минут за 10—15 до звонка небольшое сочинение или же давал урок по истории края соответствующего периода. В первый раз я задал детям два вопроса: «Для чего необходимо изучать историю?» и «Что такое любовь?». Отвечать можно было как на один вопрос, так и на два, при этом подписывать свой ответ было совершенно не обязательно. Конечно, во всех классах находились такие, у кого первым был вопрос: а будут ли за это ставить оценку? Я отвечал на это довольно туманно, но оценки, безусловно, никому не выставял. Интересно, что большая часть решила отвечать только на первый вопрос, чуть меньше — на оба и совсем единицы — лишь на второй. До чего же интересны были ответы школьников, особенно те, что писались от чистого сердца, а не для отписки! До сих пор я все их бережно храню, время от времени перечитывая. Отрадно, что многие дети доверились мне и, зачастую скрывая написанное от своего соседа, писали то, что считали нужным.

Так для чего же, на их взгляд, нужно изучение истории? Для того чтобы:

- знать чем занимались наши предки;
- знать какие раньше были порядки;
- было интересно;
- блистать своими знаниями в обществе;
- получать хорошие оценки...

А что же такое любовь? Любовь — это:

- что-то хрупкое, необыкновенное;
- когда ты испытываешь чувства к другому;
- что-то таинственное и возвышенное;
- когда мальчик и девочка сильно дружат, часто встречаются, вырастут, женятся, у них рождается ребенок;
- искренние и откровенные чувства двух людей;
- чувство, неизвестное науке;
- когда о тебе заботятся, понимают тебя;
- самое святое в жизни человека...

После таких ответов начинаешь понимать, что ребенок действительно во многом прав. Стоит лишь найти контакт с детьми, как мелкие, житейские проблемы сразу отходят на второй план. Помню, как мои сокурсники в университете, едва узнав о том, что я работаю в школе,

тут же спросили о том, сколько я получаю. Ах, как хотелось тогда ответить, что лично для меня это совершенно не важно, и будь на то моя воля, я бы вообще за работу с детьми ничего не платил (что, видимо, наше правительство активно претворяет в жизнь, но совершенно по другим соображениям), так как учитель — это не работа, а состояние души, как бы высоко это не звучало.

Как-то ученики пятого класса, самого сложного во всей параллели, поставили меня в тупик таким вопросом:

— Михаил Витальевич! А почему вы на нас никогда не кричите? Мария Григорьевна кричала на нас...

Я даже и не знал, что им ответить, хотя слышать такое было, конечно же, приятно. Собственно мне было с кого брать пример, а именно — с моего научного руководителя на факультете, который на заданный ему как-то на совместном вечере преподавателей и студентов вопрос «Почему вы все время такой спокойный со студентами?», ответил: «А что толку кричать? Все равно этим ничего не добьешься».

Вообще же мои ученики были настолько наивны и естественны, что закладывали мне некоторых своих преподавателей, передавая самые нелिцеприятные разговоры. Было ли это особым доверием ко мне или обычным делом, я сказать затрудняюсь.

Уже с первых дней моей работы в школе я, как и все учителя, начал часто бывать в учительской. Во время учебы в школе пребывание в этом помещении вызывало у нас какое-то необъяснимое волнение, если не сказать страх (не говоря уже о кабинете директора школы — святая святых для каждого ученика). Теперь все обстояло совершенно по-другому, и уже через неделю-другую я чувствовал себя в учительской как у себя дома. Это было то самое место, где педагоги могли наконец-то укрыться от своих учеников и того шума, что царил во время перемен в коридорах, пообщаться друг с другом, а заодно скоротать свободное время. И, несмотря на то, что педагогический коллектив в своем подавляющем большинстве состоял из женщин, мне всегда было о чем с ними поговорить как по поводу наших учеников, так и на другие темы. В учительскую иногда заходили женщины, продававшие одежду по вполне приемлемым ценам. Однажды я даже оказался в очень пикантной ситуации, когда мои коллеги стали рассматривать и прицениваться к нижнему женскому белью. Я уже подумал над тем, чтобы выйти из учительской, когда одна из учителей весело сказала мне.

— Ничего, Миша, привыкай... Что поделать, если в школе работают одни только женщины!

Вообще те, кто меня не знал, не могли поверить в то, что я действительно работаю учителем: во-первых, я выглядел слишком юно, а во-вторых, был мужчиной, что в наши дни встречается в школе довольно редко. Как-то, зайдя на перемене в учительскую, я увидел там завуча, с которым живо разговаривал один из родителей по поводу его нерадивого чада. При виде меня родитель тут же замолчал и посмотрел на меня взглядом, красноречиво говорившим о том, чтобы я поскорее уходил и не мешал их разговору. Нет сомнений в том, что меня приняли за обыкновенного ученика. Однако я, неторопливо положив ненужный и взяв нужный журнал, в таком же гробовом молчании тактично покинул учительскую.

Впрочем, с родителями приходилось сталкиваться и мне. Мама одного из моих учеников пришла ко мне выяснять, почему ее отпрыск имеет всего одну-единственную оценку по истории — «тройку», тогда как раньше он учился лучше.

— Дело в том, что это оценка за самостоятельную работу... — пояснил я.

— Да, я знаю, — сказала она. — Но не могли бы вы мне показать его работу?.. Я целый день сама готовилась с ним, разбирая каждый вопрос.

Выяснив, что работа ученика была написана на листочке, тогда как большинство пишет их в специальных тетрадочках, я понял, что найти ее уже не удастся, так как я не имею при-

вычки больше недели-другой хранить такие листочки. Объяснив это родительнице, я сказал, что ее сын ни разу не отвечал на уроках.

— Так он говорит, что вы его не спрашиваете, — сказала мама ученика.

— Просто я спрашиваю в основном пожеланию, тех, кто тянет руки.

— Понятно... Но мой сын такой стеснительный, что он редко когда вызывается отвечать... Но я постоянно проверяю то, как он готовится к урокам дома... Не могли бы вы его как-нибудь спросить?

— Да, конечно.

В общем, поговорил я тогда с родительницей хорошо, так что у меня сложились довольно неплохие впечатления от общения с родителями. Извиняясь, что она, быть может, вмешивается в мою педагогическую деятельность, мама предложила мне использовать на уроке такую форму работы, которую я и сам собирался внедрить, а именно — заслушивать специально подготовленные сообщения по теме самих учеников. Время показало, что подобное разнообразие в работе благотворно отразилось на изучении детьми истории.

Как-то в конце года я, запирая на ключ учительскую, собирался пойти посмотреть на концерт, подготовленный нашими школьниками, как столкнулся с двумя родителями, которые хотели узнать о том, какие оценки у их сына выходят в четверти и году. Так как никого из учителей кроме меня поблизости не оказалось, я решил их самостоятельно ознакомить их с содержанием классного журнала.

— А вы, наверное, новый учитель по истории у нашего Коли? — осторожно спросили у меня родители.

— Да, это так, — гордо ответил я.

— Наш сын много рассказывал о вас. Он говорил, что вы самый лучший из учителей, самый добрый...

Безусловно, слышать подобное в свой адрес было очень лестно, хотя я никогда и не стремился к тому, чтобы пользоваться безграничной популярностью у детей. Рассказав об успехах их сына, я простился с родителями и поспешил на концерт, традиционно устраиваемый в конце каждого учебного года.

В зале уже было довольно много народу, так что почти все места были заняты. Здесь можно было заметить не только учеников, но и их родителей. Пробравшись в середину зала, я сел рядом с преподавателем истории, которую я заменял. Что и говорить, выступления детей, которые пели и танцевали, так порадовали меня и моих коллег, что мы в тот момент готовы были обо всем забыть, и лишь радоваться за то, какие все-таки талантливые дети, которых нам довелось воспитывать. Наверное, похожие ощущения возникали и у нас, когда мы были детьми, в те минуты, когда на сцену школьного актового зала поднимались преподаватели и исполняли придуманный ими номер. Без сомнения, подобные мероприятия только усиливают духовную связь между учениками и учителями, превращая их общение друг с другом из формально-официального (на уроке) в более неформальное, открытое, раскрепощенное.

Но учебный год приближался к концу, и для того, чтобы проверить чему же все-таки научились мои ученики, я во всех десяти своих классах решил устроить контрольные работы. Впрочем, в пятых классах (за исключением моего нелюбимого, где подобное мероприятие было бы просто невозможно), я предложил провести проверку знаний в форме игры «Что? Где? Когда?», на что дети тут же согласились. Подобную игру проводил в университете мой преподаватель по истории средних веков, и я решил попробовать подобное в школе, объяснив ребятам заранее правила игры и тематику вопросов. Честно говоря, я даже и не думал, что дети будут так активно участвовать в этой игре. Разбившись на команды, они так рьяно старались ответить на поставленные вопросы, что всего одно-два очка отделяли команду-победительницу от проигравшей команды. Такого знания ребятами дат и событий я даже не встречал

на собственных уроках, а желание учеников высказаться с трудом позволяло укладываться нам в рамках одного урока.

Что же касается проведения контрольных работ в остальных классах, то там просто приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы не допустить массового списывания. О списывании в 6 «б» я уже говорил выше, но и остальные классы не позволяли мне больше минуты-другой сидеть в стороне за учительским столом.

Зато проверка письменных работ оказалась для меня настоящим удовольствием, но вовсе не потому, что выставление оценок является моим хобби, а потому, что дети зачастую писали такое, что я просто не успевал переписывать это в свою тетрадь. Так в пятом классе мне писали об особенностях государственного управления в Афинах:

- в том, что в Афинах жил царь Филипп, или
- в Афинах выбирали главного демократа с помощью камушков.

На вопрос об архитектуре в Древней Греции отвечали:

- архитектура в древней Греции была очень большая, или
- в Греции было много архитектуры.

Памятуя мой рассказ на уроке о том, что о восстании Спартака сохранилось очень мало подлинных исторических сведений, один из пятиклашек написал: «О восстании Спартака не было никакого известия. Это лишь предположение».

На довольно печальные мысли и проведение параллелей с днем сегодняшним навел меня следующий ответ ученика: «Причины восстания Спартака в том, что рабы бедно жили, и правительство не платило зарплату, и народ хотел есть».

Однако подлинным шедевром детского творчества можно считать следующий рассказ:

— Октавиан был приютным сыном Цезаря... Однажды Октавиан и Антоний встретились вместе около Трапани. При разговоре началась война.

В шестом классе дети выдавали подобные «перлы»:

— Батый пошел в Новгород, но по пути он покорил Рязань, Владимир... И когда оставалось чуть-чуть до Новгорода, очень огромное войско стало умирать, стало мало пищи, и он свернул.

— Это была самая жестокая битва за всю историю, поэтому эту битву называли Ледовое побоище.

— Ягайло заключил контракт с монголо-татарами, чтобы победить русских.

В седьмых классах дети писали более грамотно, но и там можно было встретить нечто подобное: «Екатерина II заговорила против Петра III заговор».

Особенно поразили меня ответы на знание исторических деятелей. Благодаря ученикам «выяснилось», что:

- Александр и Игорь Невские были сыновьями Дмитрия Невского;
- Витовт был митрополитом;
- Рюрик был чингис-ханом, а Витов — князем;
- Ломоносов — главный воевода;
- Болотников — холоп-крепостной, потом стал главным воеводой...

Чем ближе к концу был учебный год, тем чаще дети стали мне задавать один единственный вопрос: буду ли я работать у них на следующий год? Что я мог ответить им? Прекрасно понимая, что работал я с ними хотя и долго (больше трех месяцев), но все же временно, я осознавал, что мне все-таки придется уступить место преподавателю, которого я заменял и который де-факто уже был здоров и полон сил и жизненной энергии. Вместе с тем, я понимал, что работать в школе (даже если и не в этой) я все равно останусь.

На одном из моих последних уроков в том пятом классе, к которому я проявлял меньше всего симпатий, мне даже довелось нарисовать нескольким ребятам рисунки на память по их просьбе (машинки, кораблик и т.д.), благо в изобразительном искусстве я немного смыслю

и в свое время даже окончил детскую художественную школу. Дети стали просить, чтоб на следующий год я преподавал у них не только историю, но и рисование.

Выставляя своим ученикам оценки за последнюю четверть и за год, я, чувствуя, что моя работа подходит к концу, тем не мене, вынужден был столкнуться с одним очень серьезным педагогическим препятствием. Мама одной из моих учениц пришла ко мне по поводу того, что ее дочери в четверти выходила «двойка». Взглянув в журнал, я увидел, что у этой ученицы из всех оценок за четверть стоят лишь три одинаковые «двойки», и понял, что повлиять на ситуацию я уже вряд ли смогу.

— Понимаете, у нее по всем предметам за год только «четверки» и «пятерки», поэтому я была просто поражена, что у нее в четверти выходит «два», — негромко сказала родительница.

— Дело в том, что Юля написала контрольную на «два», пересдать ее не захотела, сама на уроках отвечать не вызывалась, а за те два раза, когда я сам вызывал ее, она не произнесла ни единого слова, — ответил я.

— Не могли бы вы дать ей какое-нибудь задание, чтобы она подготовилась и ответила вам?

— Да, конечно, — сказал я и сообщил несколько наиболее важных тем в учебнике, по которым бы я хотел послушать ее дочь.

В назначенный день после уроков родительница пришла со своей дочерью сдавать мне эти темы. Однако, что бы ни спросил, девочка никак не реагировала на мои вопросы, словно просто боялась со мной разговаривать.

— Юля, не молчи! — говорила ей мама, чуть не плача. — Ну, скажи хоть что-нибудь!

Однако ее дочь продолжала хранить молчание, отвечая на мой вопрос «готовилась ли она?» кивком головы вверх-вниз.

Вошедшая в кабинет ее классный руководитель тоже не могла ничего добиться. Мы просто терялись в догадках, почему же эта пятиклассница, которая хотя и не отличалась особой разговорчивостью, но, тем не менее, общалась с другими преподавателями, наотрез отказывалась разговаривать со мной.

— Юля, может быть тебе проще ответить письменно на вопросы Михаила Витальевича? — спросила девочку классный руководитель.

— Да, — еле слышно пролепетала та.

Недолго думая, я попросил ученицу ответить на два несложных вопроса, но видя, какие затруднения у нее это вызывает, предложил ей просто написать то, о чем она читала к сегодняшнему дню в учебнике. Полчаса мы терпеливо ждали, пока она напишет на листочке несколько ничего не значащих предложений. Прочитав их, я сказал.

— К сожалению, я ничего не могу поделать, но этот ответ не тянет и на «три».

— Что ж, тогда выставляйте в четверти «два», — тяжело вздохнув, попытожила разговор классный руководитель и вышла из кабинета.

Я просто не знал, что и предпринять, когда мама этой ученицы, сидевшая напротив меня за первой партой, принялась рассказывать о том, как им плохо живется, какие психологические трудности вызывает поездка в школу у ее дочери и т. д. и т. п. При этом родительница так разнервничалась, что из ее глаз в два ручья потекли слезы. Все это, впервые увиденное мной, безусловно, не могло не отразиться на моем поведении и я, в конце концов, все же решился поступиться принципами.

— Хорошо, — сказал, наконец, я, выставляя оценки в журнал. — Я ставлю вашей дочери в четверти «четыре», и за год ей выходит также «четыре».

— Спасибо, Михаил Витальевич! Спасибо! — только и произнесла женщина и, недолго думая, забрав свою дочь, поспешила ретироваться.

Вообще же выставление итоговых оценок было непростым делом, особенно для меня, как начинающего учителя. За неделю-другую до педсовета ко мне подошел не один классный руко-

водитель, в чьих классах я вел историю, с просьбой поставить тому или иному ученику оценку выше той, что у него реально выходит. Там, где это можно было сделать, я шел своим коллегам навстречу, но, как правило, после бесед по определенным историческим темам с самими учениками. Но, несмотря на то, что все классные руководители пеклись об отчетности по успеваемости, сам я никого ни о чем не просил. Мне, правда, пришлось обратиться к преподавателю русского языка в подопечном мне классе, с которой у меня были очень сложные отношения, с тем, чтобы она выставила, наконец, итоговые оценки некоторым учащимся, что та сделала буквально за день до педсовета, но это была просьба совершенно другого рода.

На следующий день в школе был назначен педсовет по итогам учебного года. В этот день учителя сустились как никогда более, и немудрено, ведь к педсовету у всех учащихся уже должны были стоять четвертные и годовые оценки. Не спеша педагоги собирались в одном из школьных кабинетов, занимая места. Впервые в работе педсовета предстояло принять участие и мне. По пути к кабинету я встретил классного руководителя того класса, ученице которой я накануне поставил вместо «двойки» «четверку».

— Послушайте, — удивленно сказала она мне. — Неужели вы поставили ей «четыре»?

— Да, ответил я. — Ее мать вчера расплакалась прямо у меня на глазах, и я просто не знал, что делать...

— Поставили бы тогда «три».

— Если бы я поставил «три» в четверти, то за год бы выходила только «тройка», а ведь по всем остальным предметам, кроме моего, у нее лишь «четверки» и «пятерки».

— Да-а, — протянула коллега, едва заметно пожав плечами, точно хотела этим сказать, что я волен поступать по своему усмотрению, и пошла дальше.

Педсовет начался с небольшим опозданием, и я, сидя за одной партой со своей бывшей классной руководительницей, принялся слушать вступительную речь завуча. Мне было несколько неловко присутствовать на мероприятии чисто учительском, о котором ученики знали только понаслышке, тем более что вокруг меня сидели все те, у кого я не так давно учился сам. Я был готов увидеть и услышать здесь много нового, но то, свидетелем чего я в тот день явился, просто превзошло все мои ожидания.

Учителя сидели за партами словно дети, постоянно разговаривали между собой, и завучу, открывшему педсовет, приходилось то и дело персонально обращаться к ним по имени-отчеству с просьбой не разговаривать. Между парт частенько мелькали классные журналы, в которые прямо на педсовете выставлялись спорные четвертные и годовые оценки по некоторым ученикам. Одна из молодых учителей начальных классов показывала своим коллегам музыкальную открытку, мелодия которой, раздававшаяся по всему кабинету, прервала речь завуча. Молодая учительница терялась в догадках, откуда это льется такая музыка, но окружавшие ее коллеги тут же разъяснили, что это открытка музыкальная и ее нужно немедленно закрыть.

Вскоре появилась директор школы, которую не раз отрывали от участия в педсовете настойчивые звонки из роно. Впрочем, директор была не последней, так как за ней еще подходили припозднившиеся учителя, которым в кабинете просто не находилось стула, чтобы сесть. После вступительных речей начали вставать из-за парт и оглашать отчеты по успеваемости своих классов классные руководители, в том числе, и я. Закончив свое выступление, я сел на место, услышав позади себя одобрительные голоса коллег о том, что я хорошо справился с этой работой. Убедиться в этом меня заставило выступление одной пожилой учительницы, которая путаясь и отступая от плана отчета, стала говорить об успеваемости своего класса.

— Вот уже сорок пять лет в школе, а до сих пор не может научиться делать отчет, — в сердцах произнесла моя соседка.

Когда речь зашла о переводе учащихся седьмых классов (в двух из которых преподавал я) в специализированные восьмые, среди учителей развернулась нешуточная дискуссия. Сначала директор школы заявила о том, что решение о переводе конкретных учащихся в тот или

иной класс будет приниматься коллегиально, поскольку одна из учителей обвинила ее в том, что перевод семиклассников производится по блату. Упомянутый директором педагог тут же вступила в словесную перепалку, отрицая подобные заявления. После педсовета я встретил ее в учительской, где она негодовала от того, что директор обвинила ее при всем коллективе в том, чего она никогда не говорила. После этого учителя приступили к обсуждению кандидатур тех, кого и в какой класс следует перевести, однако коллеги проявили в этом вопросе пассивность, что вызвало недовольство у администрации школы.

— Но мы же не знаем этих учеников, — выразила общее мнение одна из преподавателей.
— Пускай высказываются и голосуют лишь те, кто ведет у них предметы.

Предложение было принято, и дело пошло на лад. Я в обсуждении кандидатур участия не принимал, так как чувствовал себя неуверенно, однако в голосовании участвовал, ибо знал о каком учащемся конкретно идет речь и просто не мог проигнорировать его желание попасть в тот или иной специализированный класс.

Последним в повестке дня был вопрос о неуспевающих учащихся. И здесь-то в очередной раз была продемонстрирована вся сущность системы выставления оценок. Преподаватели открыто говорили о том, что такому-то и такому-то ученику можно «нарисовать» (как они выразились) «троечку», а такому-то — нельзя, одного можно оставить на второй год, а с другим впору вести разговор об отчислении. После того, как было принято коллективное решение «нарисовать» «тройки» одному из учеников, послышалась одинокая реплика преподавателя по истории:

— Но ведь у меня в трех четвертях у него уже стоят «двойки».

— Ничего, — посоветовали ей из президиума. — Переправите в журнале на «тройки».

— Это ж сколько переправлять придется, — покачала головой педагог.

Среди учеников оказался и такой, кто за год получил у меня отметку «неаттестованный» (что приравнивалось к «двойке»).

— Михаил Витальевич! Может быть, вы «нарисуете» ему «три»? — спросила меня классный руководитель.

— Я бы рад, но это совершенно невозможно, — отвечал я. — Этот ученик был всего на двух моих уроках, но и на тех ничего не делал... К тому же в I и II четвертях, до меня, он также был неаттестован.

Меня поддержали и некоторые мои коллеги, у кого этот ученик также был неаттестован, и педсовет решил оставить ученика «на осень», хотя и не вполне ясно было, с кем он будет летом заниматься по истории.

По завершении педсовета ко мне подошла моя бывшая преподаватель немецкого языка.

— Ну, как тебе педсовет? — осторожно спросила она.

— Да, ничего... Нормально, — туманно отвечал я, не зная, что и сказать, так как был под впечатлением от всего увиденного и услышанного.

На следующий день я сидел в учительской и работал с классным журналом, готовя его к сдаче, когда в дверях показалась мама той ученицы, которой я вместо «двойки» поставил «четверку».

— Михаил Витальевич! Можно вас на минутку? — спросила она.

Я догадался, зачем эта женщина пришла ко мне, но, тем не менее, вышел вслед за ней в коридор.

— Спасибо за то, что вы сделали для моей дочери! — трогательно сказала она, протягивая мне пакет. — Возьмите, пожалуйста! Это вам.

— Ну что вы! Я не могу от вас ничего взять, — пролепетал я.

— Возьмите, я прошу вас! — настаивала женщина и, видя мое бездействие, добавила.
— Я не уйду, пока вы не возьмете это.

— Я не могу... — начал было я, но настойчивая посетительница буквально всучила мне в руки пакет и тут же поспешила удалиться.

В пакете оказалась бутылка хорошего коньяка.

«Неужели это взятка? — в ужасе подумал я. — Неужели я докатился до того, что стал брать взятки».

Работать с журналом после всего происшедшего у меня не было больше сил, и я, заметно волнуясь, отправился в свой кабинет с тем, чтобы одеться и как можно скорее отправиться домой.

«До чего порой доходят люди, — думал я. — Неужели не понятно, что я поставил оценку не ради того, чтобы за это что-то получить, а от чистого сердца?.. И почему все это произошло со мной, в последние дни моей работы?»

В кабинете я встретил свою коллегу, с которой я часто разговаривал, и после некоторого колебания поделился с ней тем, что только что произошло. Моя собеседница постаралась успокоить меня рассказами о том, что на самом деле является взяткой, а что подарком, какие подарки получает она сама и какие взятки берет одна из известных мне преподавателей школы, а также о педагогическом такте другой ее коллеги, которая, недолго думая, пересказала одной ученице то, что говорила о ней моя собеседница в узком кругу своих коллег. В порыве откровенности я узнал столько удивительного и непонятного для меня, что не шло ни в какое сравнение с тайнами педсовета, и на фоне чего моя проблема выглядела ничего не значащим пустяком.

Дома меня пытались успокоить родители. Вместе с ними мы пришли к выводу, что я получил подарок, а не взятку, так как при взятке заранее оговаривается, что и за совершение чего будет получено в качестве платы. Здесь же ничего подобного не было. Впрочем, я решил, что подобную практику не следует повторять, и в будущем решительно противодействовать ей.

Спустя несколько дней я пришел в школу в последний раз в том учебном году. На торжественную линейку, по традиции проводившейся отдельно для учащихся 5—7 классов, то есть второй смены, в актовом зале. Здесь уже было столько народу, что просто яблоку негде было упасть. Я постоял в дверях, оценивая, куда бы мне можно было сесть и, привлекая тем самым вниманием своих учеников, приглашавших вест именно с ними, как заметил зовущий к себе жест завуча, одиноко сидевшей в первом ряду. Пробравшись сквозь плотные ряды учеников в первый ряд, я оказался возле завуча.

— Садитесь, Михаил Витальевич, с нами, — весело сказала она. — Это у нас места для почетных гостей.

Все то время, пока мы ожидали начала линейки, на сцене за декорациями и занавесом готовились к спектаклю семиклассницы — будущие ученицы восьмого класса с театральным уклоном. Заметив меня, они так этому обрадовались, что практически выдали свое инкогнито и долго еще не могли прийти в себя. Наконец, в зал вошла директор школы, и линейка началась.

Директор традиционно выступила с пространной речью об итогах очередного учебного года и, отметив лучших учащихся, под аплодисменты села рядом со мной и завучем. Сразу после нее выступила организатор внеклассной работы в школе со словами.

— Дорогие ребята! Все вы знаете, что в этом учебном году в нашей школе преподавал историю молодой учитель Михаил Витальевич. Поблагодарим же его за эту нелегкую, но важную работу!

Встав и слегка поклонившись детям, я получил из рук организатора в подарок книгу и открытку с пожеланиями директора от имени своих коллег, в то время как ученики бурно аплодировали мне. Не скажу, что я тщеславен, но такой овации в этом зале я еще никогда не слышал, тем более в свой адрес, а потому был потрясен этим до глубины души. Мне показалось, что в тот момент в зале не было ни одного человека, который бы ни аплодировал мне и не выкрикивал одобрительные возгласы. Это было поистине незабываемо и трогательно, учи-

тывая то, что я никогда не пытался добиться расположения к себе детей при помощи оценок, свидетельством чему последнее отчасти и является.

Вслед за этим начался спектакль, в котором дети проявили себя с лучшей стороны, и я был рад, что именно им было суждено обучаться далее в классе с театральным уклоном. После спектакля ученики дружно встали с мест и направились по кабинетам для проведения классных часов. Несколько шестиклассников вновь атаковали меня вопросом, буду ли я вести у них историю в следующем году. Тут же меня обступили и ученики, подарившие мне цветы, чем я был также очень тронут. С охапкой цветов я и спустился в свой класс, где уже собрались все ученики и родители-активисты вместе с педагогом, которого я заменял.

Не занимая своими речами слишком много времени, я, одухотворенный благодарностью учеников, поспешил уступить место прежнему классному руководителю.

— А... цветы мне здесь оставлять или же брать с собой? — спросил я перед уходом у своей коллеги.

— Конечно же, с собой, — ответила она. — Это же тебе подарили их дети.

Простившись с учениками своего класса, я жарким майским деньком отправился домой, неся в руках охапку разноцветных пионов. Прохожие оборачивались на меня, и вряд ли кто из них подозревал, что все это было наградой за ту работу, которую я на протяжении трех с лишним месяцев делал в самой обыкновенной школе. В полупустом троллейбусе, на котором я возвращался домой, единственным, кто, в конце концов, не сдержал свое любопытство, была кондуктор средних лет, спросившая меня, несмотря на то, что я предъявил проездной билет для студентов.

— Это, наверное, цветы учителям на выпускной?

— Нет... Это мне подарили дети в школе, — ответил я.

— В школе? Неужели такой молодой и уже преподаешь?

— Да.

— Наверное, классе в первом?

— Почему же? В пятых, шестых и седьмых.

— Надо же!.. Вот молодец! Вот молодец! — прошептала кондуктор.

А я, переполняемый самыми светлыми чувствами, вышел из троллейбуса и направился домой, понимая, что со школой теперь я уже не расстанусь никогда.

*июнь 1998 г. — январь 1999 г.
г. Калининград*

По велению сердца (роман-эпопея)

Глава I. Судный день

В жизни есть одно несомненное счастье — жить для другого.

Л. Н. Толстой

Зима 18... г. выдалась на редкость суровой. Мороз сковывал буквально все, что попадалось ему на пути: скрючившиеся деревья, заснеженные дома, русло широкой реки, отделявшей город от королевского парка и даже оказавшихся на улице случайных прохожих, походивших более на замерзшие статуи. Проехать по городу можно было не иначе как на санях, не говоря уже о том, что все дороги, ведущие к столице, были занесены, а движение и связь парализованы. На борьбу со стихией по приказу короля были брошены войска, расчищавшие дороги, собиравшие топливо и разводившие на улицах костры, а заодно и следившие за порядком, ибо недовольство населения росло с каждым днем. Впрочем, присутствие солдат и офицеров лишь подливало масла в огонь, поскольку в домах большинства горожан царили холод и голод, кормить такую свору было нечем, а потому останавливавшиеся на постой войска порою прибегали к откровенному грабежу.

Эпоха правления Льва XVII, короля Полении, началась восемь лет тому назад. Однако и за это короткое время самовлюбленный монарх смог загубить все, или почти все, что с таким трудом создавал его покойный отец. Окружив себя камарильей одиозных дворян-консерваторов, он потерял доверие не только в народе, но и в среде прогрессивной буржуазии и дворянства. При Льве XVII международный авторитет Полении падал прямо на глазах, а ее государственный долг возрос в десятки раз. «Ничего, Поления — страна богатая, на наш век хватит» — любил говаривать монарх своему окружению. Безусловно, попытки спасти отечество от надвигавшегося краха предпринимались многими, но несколько неудачных покушений на короля лишь подтолкнули последнего в объятия военной элиты, которая теперь всем и заправляла.

В одно из морозных февральских воскресений государь решил устроить премьеру спектакля в Королевском театре, чтобы продемонстрировать свое единство со столичной аристократией и интеллигенцией. По всему городу были расклеены афиши о новой трагедии, одно название которой — «Судный день» — вызывало иронию в устах просвещенных граждан. Монарх лично составлял репертуар Королевского театра, считая себя непревзойденным знатоком искусств, а потому никакие увещевания придворных на него не действовали. Было объявлено, что все средства, собранные от этого спектакля, пойдут на нужды бедствующих горожан. Однако мало кто сомневался в том, что и на этот раз деньги осядут в карманах изрядно поиздержавшегося короля, ведь куда делись средства от предыдущих подобных акций, не было известно никому.

К семи часам вечера в театр стали съезжаться зрители, в большинстве своем столичное дворянство, крупная буржуазия, городская интеллигенция и офицерство. Толпы недовольного народа, желавшего получить причитающиеся им деньги, окружили здание Королевского театра, пытались сорвать спектакль, но министр внутренних дел, фаворит короля герцог де Орланд успел вывести на Театральную площадь войска. Отрядам пехоты и кавалерии с трудом удавалось сдерживать натиск горожан.

Громкие возгласы и ропот в толпе известили о прибытии монарха. Королевские сани, едва протиснувшись сквозь толпу, остановились у парадного подъезда. Красная бархатная дорожка вела прямо к дверям. Государь в синем военном мундире, украшенном алой перевязью и множеством орденов, с накинутой на плечи шубой, под руку со своей супругой торжественно поднялся по ступенькам в окружении бравых офицеров охраны. Вслед королю из толпы раздались недовольные возгласы. Но Лев XVII с сияющей улыбкой на лице, казалось, их не замечал. Его жизнь, действительно, была далека от жизни остальных граждан, но в этот момент монарх походил более на игрока, пытавшегося сохранить хорошую мину при плохой игре.

Тем временем, в зале все места уже были заняты публикой. По традиции партер принадлежал столичной интеллигенции, молодежи и младшим офицерам, в амфитеатре расположились буржуазия и городские власти, а в ложах сидело исключительно дворянство. В зале стоял невообразимый шум, пока, наконец, в главной ложе второго яруса не появилась королевская чета. Шумя сиденьями кресел, публика встала, чтобы поприветствовать своего монарха, однако большая часть молодежи и интеллигенции делали это демонстративно медленно. Но было ли это приветствием, когда в зале воцарилась гробовая тишина и лишь робкие возгласы «Браво! Да здравствует король!» и жидкие аплодисменты пытались ее нарушить? Скорее это походило на минуту молчания по тому времени, которое безвозвратно ушло.

Монарх вошел в ложу под руку со своей супругой, одевшей по такому случаю великолепное алое платье с серебристыми разводами. Королева была необычайно бледна, при этом лицо ее на фоне такого наряда и в блеске драгоценных камней казалось еще бледнее, она старалась не смотреть в глаза окружающим, точно чувствовала свою вину перед обществом. Следом за монаршей четой вошел некогда могущественный фаворит прежнего, и лишь дальний родственник нынешнего короля, престарелый принц де Тигэр с густыми бровями и бакенбардами в строгом черном костюме. Это был уже не тот искатель приключений, что двадцать с лишним лет тому назад бороздил просторы океанов в поисках Золотого Льва, но в его кошачьих глазах по-прежнему читалось благородное величие и целеустремленность. Под руку с ним шла старая королева-мать, которая после смерти своего мужа, казалось, прибавила добрый десяток лет. На ней было пышное синее платье и черная вуаль, закрывавшая худощавое женское лицо. Последним вошел в ложу любимец короля, министр внутренних дел герцог де Орланд в парадном военном мундире белого цвета, украшенном множеством наград. Во многом походивший на своего отца (не только внешним видом, но и вплоть до должностей и титулов, так что многие поражались такой схожести) этот господин был птицей высокого полета, самой заметной фигурой в окружении короля, сделавшей головокружительную карьеру. Ему удавалось быть не только фаворитом короля, но и любовником его супруги. Роман, о котором в столице знали все, не волновал разве что государя, упорно не желавшего верить вздорным слухам. И даже когда однажды ночью по наущению своей матери король застал в спальне жены де Орланда, он продолжал твердо верить в невиновность своего фаворита. «Герцог сказал, что он не спал с моей женой, а всего лишь зашел в спальню пожелать ее величеству спокойной ночи. И у меня нет оснований не верить ему» — так объяснял позже случившееся Лев XVII своей матери. Безусловно, что вся эта история совсем не укрепляла престиж королевской семьи.

Государь со своим окружением, а вслед за ним и публика, сели, и спектакль начался. На сцене появились какие-то актеры в белых одеждах, женщины со свечами, мужчины с крестами и тому подобное. От всего этого веяло мистикой и религией, что очень любил государь. Длинные монологи и неестественные движения актеров нагоняли на многих тоску, и если б не неожиданно зазвучавшая музыка в исполнении талантливого Серхио де Мидведа, спектакль можно было бы считать пустой тратой времени. Маэстро же в тот вечер был просто в ударе.

Но в то время, когда на сцене шла одна трагедия, в королевской ложе разворачивалась совершенно другая.

— Матушка, перестаньте так крепко держаться за г-на де Тигэра, а не то он так побледнел, что вот-вот испустит дух, — пошутил король.

— Простите меня, сын мой, — опомнилась раскрасневшаяся королева-мать, спешно убирая свою руку от руки принца. — Я сегодня ужасно рассеяна... Все эти волнения народа в городе меня сильно беспокоят...

— Вы не обязаны оправдываться передо мной и вольны поступать так, как вам только заблагорассудится, — витиевато произнес Лев XVII и обратился к де Тигэру. — Скажите, дядя, а где сейчас ваша супруга? Я слышал, будто она отправилась на север.

Вдовствующая королева Софи покраснела еще больше, понимая, в чей огород ее сын бросает камешки.

— Г-жа де Тигэр сейчас находится в Мидведийске, ваше величество. Она выехала туда неделю назад и собирается вернуться во Львов лишь в начале марта, — учтиво ответил принц.

— Но почему тогда вы не поехали сопровождать ее, а остались здесь, в городе, где по вашим словам, вас не любят? — не унимался король.

— Государь, я не понимаю, чего вы добиваетесь вашими расспросами? — не выдержала Софи. — Вы же сами просили принца де Тигэра остаться в столице на случай возможных беспорядков...

— По-моему, такой случай уже наступил, а между тем результатов этой работы я что-то не вижу.

— Прошу прощения, ваше величество, но я уже имел честь докладывать вам, что без вашего особого приказа в столице мне не подчиняются не только городские власти, но даже дворники, не говоря уже о военных, — спокойно ответил де Тигэр. — Впрочем, если ваше величество считает, что я недостаточно...

— Ах, оставьте, дядя. Я всего-навсего шучу, — засмеялся король.

— Ваши шутки, сын мой, переходят всяческие границы, — недовольно произнесла Софи.

— Не понимаю, матушка, почему вы так рьяно защищаете дядю, когда он и сам в состоянии это сделать?

— Я не намерена объяснять это в присутствии посторонних, — сказала королева, повернув голову в сторону де Орланда.

— Где вы видите здесь посторонних? — удивился король. — Герцог де Орланд такой же член нашей семьи, как и г-н де Тигэр, и потому имеет полное право обо всем знать.

— Интересно, с каких это пор? С того дня, как впервые перес... — продолжила в запале королева-мать, но тут же осеклась на полуслове.

— Сударыня! — возмутился монарх. — Я прошу вас не оскорблять мою жену. Вы прекрасно знаете, что все, о чем трезвонят в городе — наглая ложь, не имеющая ничего общего с истинным положением дел.

— Неужели ваше величество верит этому? — со слезами на глазах произнесла молодая королева, обращаясь к свекрови.

— Я верю тому, что есть на самом деле, дорогая. Вы можете сколько угодно обманывать моего сына, но не меня и не народ.

Заплаканная невестка встала с места и попыталась было уйти, но король довольно грубо остановил ее.

— Вы жестокая бессердечная женщина, — сказал Лев XVII матери. — После смерти моего отца я думал, что вы будете помогать мне в правлении, но все, на что вы только способны — это плести интриги против порядочных и невиновных людей. Не сомневаюсь, что вас подстрекает к этому мой дядя, г-н де Тигэр, который никак не может смириться со своим нынешним положением при дворе. Но вы рано радуетесь, господа, ибо правда все равно будет на нашей стороне.

— В таком случае, государь, нам остается только откланяться вам, — сухо произнесла Софи и вместе с де Тигэром покинула ложу.

Разговор, имевший место в королевской ложе, не слышал никто из публики, однако по выражению лиц членов королевской семьи и внезапному уходу королевы-матери и де Тигэра можно было догадаться о том, что не все ладно в «датском королевстве». Король сидел, как на иголках, чувствуя на себе сотни пытливых взглядов, видя вокруг лишь перешептывающиеся лица, а потому с трудом досидев до конца первого действия, тут же покинул ложу и вместе со своей супругой и свитой отправился во дворец. Отъезжая, королевские сани крепко увязли в толпе негодующих граждан.

— Дорогу его королевскому величеству! — кричал сопровождавший на вороном коне монарха герцог де Орланд.

— Мы хотим есть! Дайте нам денег! Уберите ваших солдат! — галдели со всех сторон. — Защитите нас!

— Уступите дорогу! — шумел герцог, но народ от этого напирал только сильнее.

— Сделайте же что-нибудь, г-н де Орланд! — начинал нервничать король, которому встреча с народом не сулила ничего хорошего.

— Слушаюсь, ваше величество! — ответил министр и тут же повернулся к сопровождающим его кавалеристам. — Кавалерия!.. Готовсь к бою!.. Огонь!!!

Солдаты дружно выстрелили в толпу. Перепуганные не на шутку горожане пустились врассыпную, и королевские сани без труда смогли продолжить путь. Первая кровь, пролитая у здания Королевского театра, позволила монарху лишь вырваться из окружения, но не в силах была остановить надвигавшуюся бурю.

Голубой зал королевского дворца блистал во всей своей красе. Две огромные хрустальные люстры освещали богато сервированный стол на три десятка персон, повсюду блестели серебро и позолота. На торжественный ужин, устроенный королем в честь юного Серхио де Мидведа, смогла приехать лишь половина из приглашенных господ. Невообразимое скопление народа и солдат в центре города парализовали все движение. Король, севший во главе стола вместе со своей супругой, надевшей пышное желтое платье, был крайне недоволен тем, что пришли не все приглашенные, считая это личным оскорблением. Никак не выходила из головы недавняя ссора с матерью, однако, в обществе придворных дам и господ государь вскоре обо всем забыл, благо перепады в его настроении были сродни детским.

По правую руку от короля сидел белокурый маэстро де Мидвед, герцог де Орланд со своей супругой, супруги Лизы с дочерью и несколько других именитых гостей. Со стороны королевы сидели герцог Викторио де Тигэр — сын принца де Тигэра, с супругой, его брат Михал и два гвардейских офицера. Часть мест, в том числе королевы-матери, пустовала. Недолго думая, король велел начинать ужин, не дожидаясь остальных, и проворная прислуга засуетилась вокруг стола.

— Что-то я не вижу здесь своей дорогой матушки, — поморщившись, сказал король.

— Ее величество просили передать свои извинения за то, что не смогут присутствовать на этом ужине, — ответила какая-то дама из свиты королевы-матери.

— Вот как? — язвительно произнес государь. — И что же за причина позволила ей не выйти к столу?

— Ее величеству нездоровится...

— А почему я не вижу здесь нашего дорогого дядю, принца де Тигэра? Ему тоже нездоровится? — не унимался король.

— Его высочество сейчас в городе... Пытается успокоить народ, — ответил Викторио де Тигэр.

— Что ж, это вполне уважительная причина для отсутствия. Но думаю, что все ваши опасения, господа, по поводу возможного бунта совершенно беспочвенны. Народ предан мне и никогда не выступит против законного государя...

Присутствующие ничего не ответили на это королю, прекрасно понимая, что государь настолько далек от жизни, что не может трезво смотреть на вещи, однако высказать это вслух никто никогда не решался.

— Скажите, маэстро, давно ли вы занимаетесь музыкой? — неожиданно переменял тему король, обращаясь к Серхио.

— С самого детства, ваше величество, — отвечал музыкант, поведав собравшимся о своем становлении в качестве музыканта.

Поздний вечер летел незаметно, плавно перейдя в ночь. За столом уже прошло пять перемен блюд, так что присутствующие наелись досыта. Общась между собой, господа неплохо проводили время, тем более что Серхио де Мидвед оказался таким великолепным собеседником, что смог очаровать всех. Он не только поражал господ своим тонким искрометным юмором, но и тут же сыграл на рояле одно из своих лучших произведений. Присутствующие, и, прежде всего сам король, разогретые изысканными винами, не скупились на выражение восторга. Один только Михал де Тигэр, не спускавший глаз с молодой графини Лизы, немного выпадал из картины всеобщего веселья. Мысли юноши были далеко от этого места.

Но время неумолимо двигалось к полуночи, и вскоре до слуха господ донесся какой-то непонятный шум с улицы. Не сразу до всех дошло, что это были десятки, если не тысячи людских голосов. Из-за зашторенных белым шелком окон можно было разглядеть лишь горстку офицеров, торопливо снующих по двору с зажженными факелами.

— Что бы все это могло означать? — первой выразила общее беспокойство королева.

— Понятия не имею, — ответил король. — Герцог де Орланд, немедленно выясните, что происходит!

— Слушаюсь, ваше величество! — произнес генерал и тотчас покинул зал.

Господа продолжили сидеть за столом, над которым на смену бодрости и веселья воцарилось нервное напряжение. Все посматривали друг на друга вопросительными взглядами, но никто не решался прервать общее молчание. Первым не выдержал король, который встал из-за стола и принялся расхаживать по залу.

— Ну, где же этот де Орланд? — бормотал он. — Почему не торопится?.. Ничего не понимаю... Что происходит? Весь день сегодня просто под откос. То эти нелепые обвинения матушки, то... Нет, не может быть, чтобы народ восстал против своего государя, — лепетал Лев XVII, сам, очевидно, мало веривший в только что сказанное. — Этого не может быть, ведь я не такой уж и плохой монарх... Ведь так, господа? — король остановился, испуганно посмотрев на собравшихся.

Ответом ему стало внезапное появление де Орланда.

— Ваше величество, горстка бунтовщиков попыталась захватить мост, ведущий к королевскому дворцу, — отрапортовал герцог.

— И что? — замер король.

— Все в порядке, мой государь. Они были рассеяны кавалерией...

— Но чего они требуют?

— Похоже, что... вашей смерти, мой король.

Господа ужаснулись от услышанного. Королеве даже стало дурно, и она упала в обморок. На помощь ей подоспели Виктор де Тигэр и граф Лиз.

— Не беспокойтесь, ваше величество, охрана дворца надежно... — начал было де Орланд, но словно опровергая его слова, за окном раздались выстрелы и звон битого стекла.

— Я вижу, как надежно! — закричал король. — Я не могу быть в безопасности даже в собственном дворце!.. А как же моя непобедимая армия? Ведь у нас в столице расквартировано шесть полков! Где генерал Слонюшко?

— За ним уже послали...

— К черту ваших послов! — зашумел монарх, направляясь к стоявшему у стены телефону. — Я переговорю с ним лично.

Лев XVII взял трубку, собираясь набрать нужный номер, но расслышал лишь прерывистые гудки.

— Связь не работает, ваше величество, — сухо сказал де Орланд.

— Не может быть... Это заговор, — пролепетал король.

В эту минуту дверь зала распахнулась, и в нее пулей влетел адъютант короля, держась за руку, из которой сочилась кровь.

— О, боже! — изумились присутствующие, вставая из-за стола.

— Ваше величество! Новая толпа мятежников смяла кордон гвардейцев на мосту и движется ко дворцу! — доложил офицер.

— Бездельники! Идиоты! — закричал на него де Орланд. — Не в состоянии защитить собственного короля!.. Генерал де Тигэр!

— Слушаюсь, ваше превосходительство! — ответил герцог, находившийся в подчинении министра.

— Поручаю вам охрану королевского дворца... А вы, господа, — де Орланд обратился к присутствовавшим офицерам, — позаботьтесь о безопасности находящихся здесь лиц, — и, повернувшись к королю, герцог вполголоса пробормотал. — Государь! Умоляю вас, бежим, пока у нас есть время. Мы отправимся на север, в порт, где стоит верный вам флот.

И, не дожидаясь ответа, он подхватил за пояс короля и спешно покинул Голубой зал. Виктор де Тигэр отправился выполнять приказ министра, в то время как прочие господа в сопровождении офицеров отправились вслед за королем. Сперва они бежали все вместе, сталкиваясь на пути с перепуганной дворцовой службой, ранеными гвардейцами и прочими господами, но раздавшиеся на главной лестнице оружейные выстрелы заставили их разбежаться враспылку.

Во дворце тем временем царил настоящий хаос: военные и гражданские бежали по этажам, спешно создавая на своем пути баррикады из столов, стульев и прочей мебели. Бесконечная пальба, пороховой дым и душераздирающие крики были повсюду. Никому и в голову

прийти не могло, что толпы разгневанных горожан, пробравшись по покрывшейся льдом реке, ринутся сквозь парк к королевскому дворцу на расправу с ненавистным им монархом. Возгласы «Смерть тирану!», «Долой короля!» были слышны везде. В парк попыталась бежать и часть господ, но, видя, что бунтовщики повсюду, поспешила ретироваться. Пушки, которые стреляли по восставшим с моста, вскоре перешли в руки горожан и были повернуты в сторону дворца. Кольцо вокруг защитников государя сужалось с каждой минутой.

Разбуженная стрельбой и криками толпы вдовствующая королева Софи, так и не вышедшая к ужину под предлогом недомогания, тут же вскочила с кровати, накинула поверх ночной рубашки лежавшую в кресле шубу и торопливо вышла из спальни. Она прекрасно понимала, к чему идет дело, и потому первой ее мыслью было спасти наследника престола.

«Только бы не тронули внука, только бы с ним ничего не сделали. Ведь он совсем ребенок!» — испуганно думала Софи, врываясь в покои внука, которые были совсем рядом.

Здесь уже сидела заплаканная молодая королева, прижимая к груди своего тринадцатилетнего сына.

— Вот вы где! — раздраженно сказала Софи. — Нам нужно немедленно бежать!

— Отстаньте от меня! — закричала на нее невестка. — Я знаю, что все это из-за вас. Это вы организовали мятеж. Но я не отдам вам своего единственного сына! Слышите, не...

— Замолчи, дура! — прикрикнула на нее королева-мать. — Бежим, пока не поздно!

И Софи, подталкивая Розель и ее сына, поспешила к выходу. Но тут в соседней комнате раздались шаги, за ними — выстрел, затем — вновь шаги, и в раскрывшихся настежь дверях появился бледный как мел король.

— Сын мой! — изумилась Софи. — Скорее уходим! Я уже подумала было, что в вас стреляли, ведь мы отчетливо слышали выстрел.

Королева-мать хотела было взять Льва XVII за руку, но король пошатнулся и, точно подкошенный, грузно рухнул на пол. В спине его темнело большое кровавое пятно.

— О, Господи! — отпрянула от неожиданности мать, а ее невестка тут же потеряла сознание.

Наследник бросился к упавшему отцу, но для Софи уже было ясно, что король мертв. Спустя мгновение в дверях показались подоспевшие на шум принц де Тигэр с сыном Викторио.

— О, боже! — изумился старик. — Неужели его величество убит?!

— Как видите, принц, — ответила никогда не терявшая хладнокровия Софи, несмотря на то, что только что у нее на глазах убили единственного сына. — Скорее отсюда! Надо спасти наследника!

— Нового государя, а не наследника, — поправил ее принц, оттаскивая от тела покойного выдающего паренька.

Не мешкая ни секунды, господа двинулись в путь. Впереди всех семенила королева-мать, за ней едва поспевали принц де Тигэр с плачущим наследником и его сын Викторио с потерявшей сознание молодой королевой на руках. Старая Софи знала во дворце каждый уголок, а потому беглецам довольно легко удалось миновать занимавших этаж за этажом повстанцев. На одном из поворотов они, правда, напоролись на двух небритых мужиков с саблями, но всегда имевший под рукой пистолет принц де Тигэр тут же пулей сразил наповал одного, второй же, недолго думая, убежал прочь.

— О, вы спасаете нам жизнь, — произнесла, отойдя от охватившего ее испуга Софи.

— Не к чему благодарности, ваше величество, — ответил принц. — Вы говорили нам о потайном ходе. Где он?

— Здесь, — указала королева-мать на ровную стену.

Спустя мгновение господа скрылись в одном из множества потайных ходов дворца, плотно закрыв за собой дверь. По темным глухим коридорам они спустились вниз, слыша, как за стенами отстреливаются гвардейцы и дико кричат вооруженные, чем попало бунтовщики.

К тому времени часть рядовых солдат, защищавших дворец, из-за сочувствия горожанам если и не перешла на их сторону, то, по крайней мере, прекратила всякое сопротивление. Кое-где восставшим уже удалось совершить поджоги, так что вскоре пламя перекинулось и на другие помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.